

БЫВШАЯ ЖЕНА ВАМПИРА

Александр Витальев

Александр Витальев

Бывшая жена вампира

<https://litres.ru/74111668>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад лорд-вампир Северин Морр вычеркнул Риану из рода ради чужой невесты и чужого договора. Теперь она держит маленькую лечебницу в северном предместье, сама варит кровоостанавливающие настойки и учит девочек-подмастерьев шить раны. Он возвращается со стражей и печатью: совет Морров требует ее обратно, потому что без нее зверь Северина рвет клетку и сжигает деревни. Ей нужна только свобода и право любить того, кто не предаст. Ему нужна только она. Аннотация не уточняет, готова ли она снова стать лекарством для мужчины, который однажды уже отказался от нее ради другой.

Содержание

Глава 1. Печать на ладони	4
Глава 2. Печать на ладони	20
Глава 3. Чужие духи	36
Глава 4. Печать на ладони	53
Глава 5. Печать на ладони	67
Глава 6. Долг в книге	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Витальев

Бывшая жена вампира

Глава 1. Печать на ладони

Свечной огарок оплыл мне на пальцы, и я слизнула горький стеарин, не отрываясь от записи.

- Мальчик, кузнец, рваная рана голени, шов шелком, повязка с мазью из коры, - шептала я, выводя последнюю букву. - На полях...

- Не плакал, только кряхтел, - подсказала Лира из-за моего плеча.

Я слышала шаги в коридоре и узнала их раньше, чем дверь открылась. Тяжелые, ровные, привыкшие, что им открывают раньше, чем постучат. Мира Ольс ходит боком, прижимая ключи к груди, шуршит и извиняется за то, что идет по моему дому. Это были другие шаги.

Запястья кольнул холод. Тонкий, злой, знакомый. Я опустила серебряную иглу в плошку с уксусом, вытерла пальцы о передник и закрыла книгу записей на середине строчки. Лира выпрямилась - четырнадцать лет, босые ноги на холодном полу, руки стиснуты на спинке табурета.

- Иди к себе, - сказала я не оборачиваясь.

- Госпожа...

- Иди.

Она ушла бесшумно, но дверь в коридор оставила неплотной. Я слышала, как она встала за косяком, как я и думала. Я бы на ее месте сделала то же.

Я встала, одернула серое платье - простое, без кружева, без родового шитья, в котором меня вычеркнули из храма - и пошла к двери сама. Целитель не бегаёт от пациента. Даже если пациент сломал ему жизнь.

- Войди, - сказала я двери.

Он не вошел сразу. Переступил с ноги на ногу, медленно выдохнул - держал зверя у порога, - и только тогда открыл дверь. Холод в моих запястьях стал глубже, точно кто-то сунул руки в ледяную воду.

Северин стоял в дверях в дорожном плаще, без стражи, без печати на груди, без капюшона с родовой вышивкой. Просто мужчина, который слишком долго не ел и слишком хорошо это скрывал.

- Я не за тобой, - сказал он первым. Голос сел. Не от холода - от голода.

- Я знаю, - ответила я, не двигаясь. - Ты пришел за своей кровью.

Он дернулся, будто я ударила. Я не ударила. Я просто назвала цену вслух, в собственном доме, за собственным столом, где на странице осталась запись о мальчишке-кузнеце.

- Ты слышишь меня через три улицы, - продолжила я. - А я чувствую, когда ты голоден. Садись.

Я указала на табурет у двери - самый дальний, на котором сидят ученицы, пока я объясняю, как держать иглу. Не на стул у камина. Не на лавку в приемной. Северин посмотрел на табурет, потом на меня. Я видела, как в его глазах мелькнуло прежнее - приказ, нажим, желание сказать "довольно" так, чтобы я подчинилась. И как это ушло, сломанное о запахах уксуса и сухой коры.

Он сел.

Я подошла к шкафу, достала банку с сушеным зверобоем, чистую марлю, флакон с кровоостанавливающей настойкой - той самой, что варю каждую неделю. Разложила на столе ровно так, как раскладываю перед операцией. Мои руки не дрожали. Его дрожали, и он спрятал их под плащ.

- Покажи запястья, - сказала я.

- Риана...

- Покажи запястья, лорд Морр. У нас мало времени, у тебя мало крови, а у моих учениц завтра экзамен по перевязке. Им нужен живой пример.

Он расстегнул плащ. Под ним была серая рубашка без герба, без вышивки. На левом запястье - темный след от брачного браслета, который я сняла год назад. След обвели углем, будто не хотели, чтобы он зарос.

Я положила ладонь ему на запястье. Первая за год. Холод ударил в руку, точно меня окунули в прорубь. Я стиснула зубы, переждала три удара его пульса - рваных, звериных, - и зверь под моими пальцами стал стихать. Медленно, тяжело,

как загнанный волк, которому дали глоток воды.

- Довольно, - хрипло сказал он.

Впервые за год это слово вышло у него не приказом, а сдачей.

Я отняла руку. Холод остался в пальцах, как чужой отпечаток.

- Плащ на лавку, - сказала я. - Пять минут сидишь тихо. Потом настойка и марля с корой. Это лекарство, лорд Морр. Не моя кровь. Разница понятна?

Он кивнул. Впервые молча.

Я вернулась к столу, открыла книгу записей и дописала строчку. "Мужчина, род Морр, запястье, настойка внутрь, марля наружно". Подчеркнула "настойка внутрь". Если спросят - лечила пациента. Не спасала бывшего мужа.

В дверях неслышно появилась Мира с двумя чашками на деревянном подносе. Поставила ближе ко мне, дальше от него, отступила к стене, прижимая связку ключей к груди. Чай пах мятой и старой заваркой, не теми дорогими листьями, что подавали в замке Морр. Я сделала глоток, чтобы согреть горло. Северин посмотрел на чашку так, будто я предложила яд.

- Пей, - сказала я. - Сахар кончился вчера. Новый заказываю по счету у гильдии, счет еще не подписан.

Он взял чашку двумя руками. Пальцы у него были холодные - я видела по тому, как фарфор побелел под его хваткой. Отпил, поморщился, допить не смог: зверь дернулся где-то

под ребрами, и я снова почувствовала холод в запястьях, острый, точно кто-то провел по коже кончиком ножа.

- Ложись, - велела я, поднимаясь. - На лавку. Рукав закатать.

Он подчинился. Я закатала ему левый рукав выше локтя - ткань тонкая, дешевая, явно купленная не в наших краях - и увидела на внутренней стороне предплечья старый, плохо затянувшийся порез. Не боевой. Ритуальный. Слишком ровный, с темными точками по краям, где когда-то были вбиты маленькие серебряные гвозди. Их вытащили, но следы остались.

- Кто тебя так? - спросила я, доставая из шкафа чистую марлю.

- Каэл, - ответил он коротко. - Пытался привязать зверя ритуалом. Сжег ритуальный зал вместе с двумя слугами.

Каэл Дорвен. Советник-казначей дома Морр. Человек, который считал деньги рода и улыбался мне за ужином как родной. Тот самый, что приносил мне на подпись брачный договор с Теневыми лордами и уверял, что это "для блага дома". Теперь он режет своего лорда серебряными гвоздями в подвале.

- Зачем ты мне это говоришь? - спросила я, не оборачиваясь.

- Потому что он придет за тобой. Не за мной - за тобой. Ты единственная, чья кровь держит зверя, а Каэл считает, что кровь можно добыть без твоего согласия. У него на столе ле-

жит черновик письма в гильдию о временной опеке над бывшей женой рода. Томаш Ревин принес его мне на подпись. Я не подписал. Томаш вернул черновик Каэлу, но копию оставил у себя.

Я медленно положила марлю на стол, потом флакон с настойкой, потом иглу. Руки у меня не дрожали. Холод в запястьях стал ледяным, будто Северин передал мне через связь часть своего страха.

- Где копия сейчас? - спросила я.

- У Томаша. Он больше мне не друг, но не желает сгореть вместе с предместьем.

Я села напротив него, на табурет, который он только что занимал. Расстояние между нами - вытянутая рука, ровно столько, сколько я позволяла. Лавка под ним скрипнула. Из коридора пахло лавандой и дымом - это Лира жгла сухие травы для завтрашних ученических повязок.

- Значит, так, - сказала я, и мой голос стал деловым, тем самым тоном, которым я говорю с купцами на рынке и с мастером-приемщиком в гильдии. - Каэл хочет забрать меня через временную опеку, чтобы добывать кровь без моей воли. Совет Морра это поддержит, потому что совету нужны деньги Теневых лордов. Томаш держит у себя доказательство, что Каэл уже пробовал ритуал на тебе и сжег слуг. Гильдия целителей защитит меня, если у меня чистая репутация и три ученицы. Ученицы есть, репутация пока держится.

Я замолчала и посмотрела ему в глаза. Впервые за этот

вечер - прямо.

- Мне нужна копия письма Каэла. Не твоя защита, не твоя кровь в обмен на мою. Мне нужна бумага. Ты можешь ее достать?

- Могу, - сказал он. - Но мне нужно войти в дом через парадную дверь, забрать копию у Томаша и вернуться. Это полночи. Мой зверь не выдержит столько без тебя.

- Тогда ты войдешь через парадную дверь, заберешь копию и вернешься, - повторила я. - А потом ляжешь на эту лавку и проспшишь до рассвета. Я буду здесь, за столом. Если твой зверь проснется - я его усмирю. Но цена за эту ночь - бумага. Не прощение, не кровь, не слово. Бумага. И если к утру ее не будет на моем столе, ты больше не переступишь этот порог.

Он смотрел на меня. Я видела, как в нем борются два существа - тот, кто привык отдавать приказы, и тот, кто сегодня впервые сказал "довольно" не как хозяин, а как пленник. Второй победил. Он медленно поднялся с лавки, одернул плащ и пошел к двери.

У порога остановился, не оборачиваясь.

- Если я не вернусь к рассвету, - сказал он тихо, - запри двери и не открывай никому. Даже Томашу.

Дверь закрылась. Шаги в коридоре стали тише, потом стихли. Я осталась одна в приемной, с двумя остывшими чашками, с книгой записей и с холодом в запястьях, который теперь не уходил. Мира просунула голову в дверь.

- Госпожа, - сказала она, не заканчивая.

- Чай, - ответила я. - Еще одну чашку. И разбуди Лиру через час - пусть сядет у двери со мной. Если лорд Морр вернется до рассвета, я хочу, чтобы свидетельница была из моего дома, а не из его.

Мира кивнула и исчезла. Я открыла книгу записей на новой странице, написала сверху: "Пациент М., повторный прием, риск ритуала, бумага к утру". Подчеркнула "бумага к утру" дважды. Если он не вернется - у меня останется запись. Если вернется - у меня останется бумага.

Ключ от черного хода я спрятала в карман перед тем, как погасить свечу. Мира ушла к себе через кухню. Лира устроилась на табурете у двери, поджав босые ноги, и я видела в тусклом свете#ильника только ее светлые волосы и край синей кофты. Она не спала.

Я добавила в книге мелким почерком: "Если не вернется - заявление в гильдию о попытке насильственного ритуала. Если вернется - черновик Каэла как доказательство". Холод в запястьях не уходил. Я растерла левую руку правой, но это не помогало. Зверь Северина где-то в городе то ли спал, то ли просыпался, и я это чувствовала так же ясно, как Лиру в двух шагах от меня. Связь была жива, и она ныла, как старая рана перед дождем.

- Госпожа, - шепнула Лира, не поднимая головы. - А если он не вернется?

- Тогда мы запрем двери и напишем в гильдию, - ответила

я, не отрываясь от книги. - А если вернется - у нас будет бумага, которую совет не сможет подделать.

Она кивнула. Ей было четырнадцать, и она уже знала, что бумага стоит дороже крови. Этому ее научила не я - этому ее научила улица, на которой она выросла до того, как попала ко мне.

Шаги на лестнице я слышала раньше, чем открылась дверь. Тяжелые, неровные, с долгой паузой между пролетами. Лира вскинула голову. Я медленно закрыла книгу и положила руку на стол рядом с серебряной иглой - не для угрозы, для опоры.

Северин стоял на пороге, и с ним было что-то не так. Плащ расстегнут, правый рукав закатан по локоть. Сначала я увидела кровь - темную, почти черную в свете#ильника, - а потом рану на запястье, перевязанную чьей-то грязной тряпкой. Он был бледен, под глазами лежали тени, и от него пахло не лавандой и дымом, а сырым камнем, кровью и чужим потом.

- Копия, - сказал он, и голос был тот самый, который я слышала только наедине: хриплый, сорванный на последнем слог.

Он протянул мне сложенный вчетверо лист. Я взяла левой рукой, правой продолжая касаться иглы. Развернула, поднесла к свету. Почерк Каэла Дорвена - мелкий и аккуратный, как у человека, привыкшего считать чужие деньги: "Прошу совет рассмотреть возможность временной опеки над быв-

шей женой рода Морр, Рианой Тавией, в целях стабилизации кровной связи лорда..." Дальше шли условия: помесечная выплата гильдии, подселение в замок под охраной, право совета на осмотр и забор крови по медицинским показаниям. Подписи не было - только дата и место для печати.

Я положила лист на стол и посмотрела на Северина. Зверь в его глазах метался так близко к поверхности, что я видела, как дрожат зрачки. Он смотрел не на меня - на мои запястья. Я поняла: он принес бумагу, но пришел за мной, потому что больше не мог не прийти.

- Рана, - сказала я коротко. - Сядь. Рукав закатать.

Он послушался, тяжело опустившись на лавку. Я разрешила грязную тряпку ножницами, промыла рану чистой водой из кувшина. Она была неглубокая, но рваная, от ножа, не от когтя. Зашила тремя стежками серебряной иглой. Он не вздрогнул. Только когда я завязывала узел, его левая рука дернулась к моему запястью - коснуться, не схватить, - и я отстранилась ровно на ту секунду, которая ему была нужна, чтобы остановиться самому.

- Лира, - сказала я, не оборачиваясь. - Иди спать. Завтра у тебя первая смена в перевязочной.

Лира встала, посмотрела на Северина так, будто впервые увидела вампира без клыков и спеси, и вышла. Я промокнула рану марлей, наложила повязку и только тогда посмотрела ему в лицо.

- Ложись, - сказала я. - На лавку. До рассвета.

Он закрыл глаза. Я села за стол, положила перед собой копию письма Каэла и книгу записей. Холод в запястьях наконец начал отступать - медленно, по сантиметру, - и я впервые за ночь почувствовала, что мои руки снова принадлежат мне.

За стеной кто-то ходил по коридору - легкие шаги, слишком легкие для стражи. Я подняла голову и прислушалась. Шаги стали тише, остановились у самой двери. Я не двигалась. Замок щелкнул тихо, по-женски осторожно, и дверь отворилась ровно настолько, чтобы вошла тонкая фигура в темном платке.

Нора - сплетница с рынка, торговка чужими бедами и моей добротой - скользнула внутрь и прижала палец к губам. Глаза большие, блестящие, как у человека, который продал чужую тайну и еще не получил денег.

- Госпожа, - выдохнула она, не заканчивая.

- Говори, - ответила я. - Тихо. Лорд спит.

Она покосилась на лавку, где Северин лежал с закрытыми глазами и повязкой на запястье, и голос стал еще тише.

- Карета у храма, - сказала она. - Черная, без герба. Кучера я знаю - возит Инессу Вельт. Она приехала ночью через северные ворота, и с ней девочка лет пятнадцати, худая, в сером платье. Девочка плакала в платок, а госпожа Вельт держала ее за локоть так, что кость хрустнула.

Я медленно положила серебряную иглу в футляр и закрыла его. Девочка пятнадцати лет в сером платье могла быть

кем угодно. Но если Инесса Вельт приехала в Вельтен ночью, тайно, через северные ворота, и тянула за собой дочь - значит, дома у нее больше не было, а в городе был кто-то, кому она боялась показаться на глаза.

- Куда они поехали? - спросила я.

- К дому на Кленовой, - ответила Нора. - К старому дому Каэла Дорвена. Там с утра горит свеча в окне второго этажа.

Я посмотрела на спящего Северина. Повязка на его запястье уже порозовела - рана заживала быстро, но кровь все равно просочилась сквозь марлю. Он дышал ровно, и зверь в его глазах наконец ушел глубоко, туда, где я не могла его достать. Связь ныла тихо, на одной ноте.

- Нора, - сказала я, не отводя глаз от его руки. - Ты мне это принесла, потому что хочешь, чтобы я пошла.

Она не ответила, и это было честнее любого "да". Я встала, подошла к шкафу у стены и достала свой целительский саквояж. Не потому что шла лечить - потому что в любом чужом доме саквояж давал мне право стоять, а не сидеть, говорить, а не оправдываться.

- Мира, - позвала я тихо.

Экономка появилась в дверях кухни с полотенцем в руках - она не ложилась, ждала, как я и просила. Я кивнула на лавку.

- Если он проснется до моего возвращения - скажи, что я у мастера гильдии. Если спросит зачем - скажи, что у меня ночной вызов.

Я вышла через черный ход, прижимая саквояж к боку. Улица была пуста, только у фонаря на углу стоял мальчишка-разносчик, который делал вид, что спит. Я пошла быстро, не оглядываясь, и холод в запястьях отступал с каждым шагом - не потому что связь рвалась, а потому что я сама выбирала направление.

У дома на Кленовой горела одна свеча. Я постучала в дверь - тихо, костяшками, - и стала ждать.

Дверь открыла не Инесса. На пороге стояла девочка лет пятнадцати, худая, в сером платье, с красными от слез глазами и синяком на скуле, который неделю не сойдет. За ее спиной в коридоре горела одна свеча, и тень от нее лежала на стене косо, как сломанная рука. Девочка смотрела на меня так, будто ждала удара, и я поняла: она не знала, что я приду.

- Я целительница, - сказала я и подняла саквояж на уровень ее глаз. - Меня позвали.

Она отступила, не споря, не спрашивая. Я вошла, и дом Каэла Дорвена обдал меня запахом старых денег и холодного бульона. В прихожей на крюке висел мужской плащ, подбитый мехом. На полу лежала забытая женская перчатка из тонкой кожи, с вышитой монограммой "И.В.". Инесса Вельт была здесь совсем недавно и не думала, что кто-то увидит.

Из дальней комнаты вышел Каэл Дорвен собственной персоной - в домашнем халате, с лицом человека, которого разбудили не вовремя. Он посмотрел на меня, на саквояж, на девочку, и его челюсть дрогнула. Он ждал Инессу, а получил

меня - целительницу без приглашения, в чужом доме, в чужом городе, в его любимом халате.

- Госпожа Тавия, - сказал он ровно, подбирая слова, как торговец на ярмарке. - Какой сюрприз.

- Вызов, - ответила я коротко. - Девочка. Следы побоев. Я обязана осмотреть.

- Это семейное дело, - отрезал он. - Госпожа Вельт и ее воспитанница. Ваша гильдия здесь ни при чем.

Я не двинулась с места. Саквояж поставила на пол у двери, не у стола, чтобы он не мог отодвинуть меня от выхода. Девочка стояла между нами, переводя взгляд с одного на другого, и я видела, как у нее трясутся руки.

- По уставу гильдии я обязана осмотреть любого, кто выглядит раненым, в любом доме Вельтена, - сказала я. - Отказ от осмотра расценивается как препятствие цеховой помощи и карается штрафом в пользу пострадавшего. Вы это знаете, советник, вы же этот устав и подписывали.

Он поднял бровь. Я подняла бровь в ответ. Несколько секунд мы мерили друг друга взглядами, и я впервые поняла, почему он так бесил Северина: Каэл умел ждать и не моргать.

- Осмотрите, - сказал он наконец. - В комнате наверху. Десять минут. Я подожду здесь.

- Я подожду здесь, - повторила я. - Девочка спустится ко мне. В прихожей. Вы можете остаться или уйти к себе, советник.

Он стиснул зубы и ушел в дальнюю комнату, не попро-

щавшись. Я услышала, как за ним закрылась дверь, и повернулась к девочке.

- Иди сюда, - сказала я тихо. - Сядь. Рукава засучи.

Она послушалась. Синяк на скуле был свежий, на плече - старый, уже желтый по краям. На запястьях - тонкие полосы, какие оставляет веревка, когда человек дергается. Она не плакала, и от этого мне стало холоднее, чем от ночного воздуха.

- Кто тебя бил? - спросила я.

- Госпожа, - ответила она и не договорила.

- Госпожа Вельт?

Она опустила глаза. Я промокнула ссадину настойкой календулы, наложила повязку и достала из саквояжа маленький флакон с кровоостанавливающим отваром.

- Пей утром и вечером, по три капли, - сказала я. - Если госпожа Вельт снова поднимет руку - беги в гильдию целителей на Кленовой, меня найдут. Запомнила?

Она кивнула, и я увидела в ее глазах то самое, что видела в Лире: страх быть чужой вещью и желание, чтобы кто-то сказал, что она имеет право не быть.

В прихожей пахло чужим мехом и холодным бульоном. Я подняла с пола женскую перчатку с монограммой и положила в саквояж. Не как улику - как напоминание себе, что в этом городе у каждой вещи есть цена, и я уже плачу свою. Девочка проводила меня до двери, и я вышла на улицу, где фонарь на углу догорал, а холод в запястьях снова поднялся

- тонкой, знакомой волной. Северин проснулся.

Я пошла быстрее, и связь ныла в такт моим шагам, как второе сердце, которое я так и не научилась глушить.

Глава 2. Печать на ладони

Скрип ключа в замке прозвучал громче, чем мне хотелось. Я вытащила его из скважины, повернула в пальцах. Металл обжег холодом, словно нагревался с внутренней стороны. Ключ был от комнаты над аптекой, от бывшей свечной кладовки, которую я отвоевала у управляющего дома Морр полгода назад под первую лечебницу. Сейчас этим ключом я запирала за собой собственную дверь.

В коридоре Серого Порога пахло старым воском, камнем после дождя и чужими духами — теми сладкими, тяжелыми, в которых Северин приходил ко мне год назад, когда приходил. Я узнала их раньше, чем он успел войти.

Он не вошел. За дверью зала записей стоял Томаш Ревин, управляющий, в прошлом мой почти родственник, и держал в руках тонкий пергамент с родовой печатью Морр. Печать была не красная, а черная — оттиск обряда разрыва, которым совет вычеркивал меня из списка жен Северина.

— Тавия, — сказал он тихо. — Настоятель ждет. И он не один.

Я спрятала ключ в карман, туда же, где лежала заштопанная подкладка от ридикюля и мелкая серебряная монета на случай, если придется платить за вход. Монета была моя, не Морров.

— Кто с ним?

— Каэл Дорвен. Советник-казначей. И свидетель от Теневых лордов.

Я кивнула так, будто ничего нового не услышала. Каэл Дорвен был тем человеком, который считал деньги чужой кровью. Свидетель от Теневых лордов был печатью в чужом договоре, которую я не подписывала.

— Пошли, — сказала я.

Зал записей был узким, как шкаф. На столе лежала раскрытая родовая книга, и страница, на которой стояло мое имя рядом с именем Северина, уже была залита тонкой золотой полосой — обряд разрыва провели поверх, не стирая. Настоятель — сухой старик в серой хламиде — даже не поднял глаз.

— Риана Тавия, — прочитал он. — Убрана из списка жены лорда Северина Морра. Убрана из списка крови рода Морр. Остается в списке цеха целителей Вельтена с правом подмастерья и мастера.

Я слышала, как Каэл Дорвен перелистнул страницу. Звук был сухой, как треск костра.

— По уставу гильдии, — добавил настоятель, — вы имеете право подать прошение о собственном цехе. Имеете право принять трех подмастерьев. Имеете право выйти из-под опеки рода без согласия совета.

— Но? — спросила я.

— Но печать разрыва на вас останется, — он впервые посмотрел мне в глаза. — Ее увидят те, кто приходит в книгу.

Будут видеть те, кто ищет по списку.

Томаш Ревин кашлянул. Каэл Дорвен положил на стол вторую бумагу — короткую, с гербом Морр.

— Это предложение опеки, — сказал казначей. — Не приказ, Тавия. Предложение. Совет готов платить гильдии за каждый месяц вашей работы. Условие одно — вы возвращаетесь в дом Морр как хранительница крови лорда.

Я медленно положила ключ от кладовки на стол, рядом с гербом. Ключ был мой, и я положила его туда, где от меня требовали чужие печати.

— Я уйду, — сказала я. — Подаю прошение о собственном цехе. Принимаю предложение гильдии о подмастерьях. Печать опеки — отказываюсь письменно.

Настоятель кивнул. Чернила у него были уже подсохшие к этому моменту. Мне показалось, он ждал моего отказа и заранее заготовил чистый лист, в который сейчас вписали мою фамилию рядом с моей же подписью.

Томаш Ревин отступил от стола так, будто я его ударила. Каэл Дорвен сложил бумагу обратно в футляр, и я впервые увидела, как его пальцы чуть дрогнули.

— Защита гильдии, — сказал казначей. — Она стоит денег, Тавия.

— У меня есть руки, — ответила я. — Этого пока хватало.

Я взяла ключ со стола, пока никто не успел его закрыть моей ладонью, и вышла из храма по той же лестнице, по которой год назад поднималась к алтарю. На улице было сыро,

у ворот стояли три женщины в платьях Морр — прислуга из дома — и смотрели на меня так, как смотрят на чужую беду. Шепот пошел раньше, чем я успела застегнуть пальто.

— Тавия вычеркнута.

— Говорят, без выкупа.

— Говорят, она сама.

Я спрятала ключ обратно в карман, прошла мимо прислуги, не повернув головы. За углом ждал Марек Тиш, мой коллега по приюту, с фонарем, потому что уже смеркалось. Он не задал ни одного вопроса, только подвинулся, освобождая мне место под навесом, и мы пошли к северному предместью, к бывшей свечной кладовке, в которой я собиралась впервые открыть свою лечебницу.

В кармане у меня, кроме ключа и монеты, лежал лист с гербом гильдии. Цеховая свобода мастера. Моя новая работа начиналась завтра утром.

Кладовка была уже не кладовкой. Марек помог мне снять последние полки и вынес во двор, а я отскребла стены от старого воска, на котором когда-то стояли свечи для дома Морр. Воск въелся в камень, и от него пахло тем сладковатым дымом, который я привыкла узнавать по вечерам в их столовой. Я работала ножом, пока запах не перебил запах щелока, и тогда стало можно дышать.

Марек принес фонарь и поставил его на пол, где раньше стояла бочка с салом. Свет дрожал, и я впервые увидела, как велика эта комната на самом деле. Одно окно, низкое, по-

что вровень с улицей. Дверь на петлях, которые я смазывала сама, потому что мастер из гильдии запросил за это три серебряных, а у меня в кармане лежала одна монета и заштопанная подкладка. Под потолком осталась балка, в которую можно было забить крюк для подвесных трав.

— Тавия, — сказал Марек, глядя не на меня, а на окно. — Я слышал, как тебя вычеркнули.

— Слышала вся улица, — ответила я, не отрывая ножа от стены. — К утру будет знать рынок.

Он не стал спрашивать, как мне живется без фамилии мужа, и за это я была ему должна. Марек был лекарь из человеческой семьи, не из гильдийной, и в приюте мы работали рядом уже два сезона. Он знал, что я не люблю, когда меня жалеют голосом. Руками — другое дело.

Я отскребла последний кусок воска, вытерла руки о тряпку и оглядела комнату. Пол был каменный, холодный, но чистый. Стены я вымою завтра травяной водой, чтобы не пахло затхлым. Стол для приема притащу снизу, из подвала, тот, на котором раньше разделявали рыбу. Он был дубовый, тяжелый и не боялся воды.

За стеной кто-то зажег лампу. Я узнала свет по движению тени — это была Мира Ольс, моя экономка, вернее та женщина, которую я наняла за две недели до изгнания, потому что устала вести хозяйство Морра одна. Она осталась, хотя ей перестали платить. Она перешла мой ридикюль, когда подкладка разошлась, и молчала о том, кто теперь покупает

свечи в лавке напротив.

— Тавия, — позвала она из-за двери. — К тебе пришли.

Я выпрямилась. Нож остался у меня в правой руке, и я машинально переложила его в левую, потому что дверь могла открыть кто угодно.

Это был мальчишка лет двенадцати, в куртке подмастерья кузнеца, с рукавом, прилипшим к руке от крови. Кровь шла из пореза на предплечье, глубокого, и он прижимал тряпку, которая промокла насквозь.

— Учитель сказал — к вам можно, — выдохнул он. — Только быстро, он злится.

Я поставила нож на пол, посмотрела на Марека. Он уже доставал с нижней полки кипяченую воду и чистую марлю, потому что мы оба понимали, что первая ночь лечебницы начинается не так, как мы ее планировали.

— Садись сюда, — сказала я мальчишке, указав на опрокинутый ящик у окна. — Руку положи на колено ладонью вверх. Марек, горячую воду и иглу третьего номера.

Мальчишка сел, закусил губу. Я сняла тряпку, осмотрела рану. Порез был длинный, до кости, но чистый — клинком, не ржавым железом. Это было уже хорошо. Я промыла его водой, смоченной в отваре шалфея, который заварила еще утром на случай, если кто-то придет.

— Будет жечь, — сказала я. — Терпи.

Он терпел. Я шила тонкой иглой, стежок за стежком, и считала про себя, как учил меня старый мастер гильдии: раз

— захват, два — поворот, три — узел. Когда закончила, наложила повязку из марли, смоченной в кровоостанавливающем отваре, и закрепила чистой тканью.

— Два дня не мочить, — сказала я. — Завтра придешь перевязать. С тебя — две медных, или принеси траву ковыль, ее рвут у мельницы.

Он полез в карман, вытащил мятую монету, и я впервые в жизни взяла плату за свою работу в собственном помещении. Монета была теплая от его ладони. Я положила ее в карман, туда, где уже лежала заштопанная подкладка и ключ от этой двери.

Марек помог мальчишке выйти, потому что у мальчишки слегка кружилась голова от потери крови, и в комнате стало тихо. Мира Ольс стояла у двери, сложив руки на переднике, и смотрела на меня так, будто я только что сделала что-то невозможное. Я не стала объяснять, что для меня это было обычное дело. Я была целительницей с лицензией гильдии. Шить раны я умела задолго до того, как стала женой лорда.

За окном прошла Нора, торговка с рынка. Она замедлила шаг, заглянула внутрь, увидела меня, мою повязку, мой стол, и пошла дальше. Я знала, что к утру вся улица будет знать, что бывшая жена Морра открыла лечебницу и приняла первого пациента. Это было лучше любого объявления.

Я задула лампу, вымыла руки в оставшейся воде и повесила фартук на крюк, вбитый в балку. Завтра я принесу сюда кремента с клевером, засушенный с лета, и сварю

первую настойку для тех, у кого раны не заживают, как должно. Утром придут еще. Может, придут три девочки, которым негде учиться ремеслу. Может, придет кто-то от совета Морр — спросить, не передумала ли я насчет печати опеки.

Я закрыла дверь на ключ и спрятала его в карман. В кармане, кроме ключа, лежали две медных монеты — мои первые деньги за работу в собственном доме. Ключ был мой. Монеты были мои. Завтрашнее утро было моим.

Наутро ключ в кармане стал тяжелее, будто за ночь налился свинцом. Я проснулась раньше Миры, потому что каменный пол новой лечебницы был холоднее, чем я думала, и тело само вытолкнуло меня в бодрость. Я пришла сюда вчера ночью, после храма, после того, как меня вычеркнули из родовой книги и вписали обратно в цеховой реестр.

Я подошла к окну. Низкое, почти вровень с мостовой, за которым уже слышались шаги первых подмастерьев. Я открыла ставни. Соленый ветер с залива ударил по лицу, и я вспомнила, что забыла вчера снять с шеи тонкий шнурок с обручальным знаком — серебряная капля на витом шнуре, которую он надел мне год назад в этом же храме. Я потянула за узел. Шнурок не поддавался.

На пороге стоял Томаш Ревин в дорожном плаще, с чужой грязью на голенищах и с пергаментным тубусом под мышкой. Управляющий дома Морр выглядел так, будто не спал двое суток и ехал верхом без остановки. Под глазами лежали тени, на скулах — красные пятна от ветра. Он посмотрел

мимо меня вглубь приемной и его лицо стало таким, каким бывает лицо человека, которому приказали сделать то, чего он делать не хочет.

— Мастер Тавия, — выговорил он официально, и я услышала, как ему это слово режет горло. — Совет Морр поручил мне передать вам лично. Из рук в руки.

Он вытащил из тубуса пергамент. Печать дома — черный ворон на красном сургуче — блестела, словно ее навели только что. Я не двинулась с места.

— Положи на стол, — сказала я. — У меня занято.

— Печать требует принятия в руки и капли крови получателя, — ответил он тихо, и я впервые увидела в его глазах что-то похожее на просьбу. — Так записано в родовом уставе. Иначе документ недействителен, и совет будет вынужден прислать стражу.

— Которая не войдет без постановления мастера гильдии, — отрезала я. — Ты это знаешь, Томаш. Ты сам учил меня родовому уставу, когда я была женой твоего господина.

Томаш вздрогнул. Я медленно повернула голову. За моей спиной стоял Северин — один, без стражи, в том же темном плаще, в котором вчера подписывал договор с Теневыми лордами. Я не слышала, как он вошел. Пульс в моих запястьях сбился ровно на секунду, и я впервые поняла, что значит «не разорвано». Настоятель Серого Порога сказал, что запись о разрыве требует согласия обеих сторон и общей крови. Согласия второй стороны у меня не было, кровь тоже.

Я машинально отметила: глаза красные, скулы обострились, как у человека, который не спал. Или у вампира, который слишком долго сдерживал зверя.

Он сделал шаг внутрь, остановился у моего рабочего стола, не у двери, как входил в мои покои в замке. Год назад он вошел бы, не спрашивая. Сейчас он смотрел на мои руки.

— Я слышал, — сказал он тихо, — что ты не взяла повозку.

— Я не взяла повозку, — повторила я ровно. — Потому что у меня есть ноги и гильдейская лицензия.

Он не шевельнулся. Я видела, как под его кожей ходит напряжение, будто что-то рвется изнутри. Я знала, как выглядит его зверь. Я видела его однажды, в первую брачную ночь, когда его кровь вскипела от голода, и он едва не сорвал с меня платье, а потом долго стоял у окна, пока пульс в его висках не замедлился под мой голос. Тогда меня это пугало. Сейчас пугало меньше, но больше злило.

— Мне нужна твоя кровь, — выдохнул он, и в голосе прорезалась хрипотца. — Совет требует наследника. Печать опеки на столе у Томаша Ревина. Я пришел не как лорд. Я прошу.

— Просишь, — я повесила фартук на крюк в потолочной балке, и металлическая пряжка глухо стукнула о дерево. — А год назад ты приказал.

Его пальцы сжались на спинке стула для пациентов. Костяшки побелели. Он хотел шагнуть ко мне, я видела, как

качнулся его вес, но он остался на месте. Эта новая осторожность была почти страшнее прежней власти.

— Совет платит гильдии за каждый день, пока зверь на свободе, — продолжила я, и мой голос звучал жестче, чем я хотела. — Но они не могут меня заковать. По цеховому праву мастер неприкосновенен без суда гильдии. У меня три ученицы, чистая репутация, вчера я приняла первого пациента. Я не собственность на столе у твоего казначея.

Он поднял взгляд. В глубине его зрачков шевельнулось что-то темное, жадное, звериное. Я не отвела глаз. Пусть видит, что его зверь больше не имеет надо мной власти. Я стояла в своем доме, на своем пороге, в своем свете, и он был тем, кто просил. Пульс в его шее бил рвано, и я чувствовала этот ритм в собственных запястьях, тупая тянущая связь, которую ни один ритуал пока не разорвал.

— Риана, — имя сорвалось с его губ как удар.

— Мастер Тавия, — поправила я. — И я не подпущу тебя ближе, чем на расстояние вытянутой руки, пока ты не ответишь публично за то, что сделал.

Я указала ему на лавку у двери — ту самую, на которой вчера задремал Марек.

— Сядь, — велела я. — И жди. У меня смена через час, и я не собираюсь из-за тебя пропускать прием.

Он сел. Молча, не споря, опустив плечи. Зверь внутри него глухо зарычал, и я почувствовала этот рык холодом в собственных костях. Но я не вздрогнула. Я подошла к свое-

му столу, достала из ящика чистый лист и начала записывать в книгу приемов первого пациента — мальчишку-подмастерья с перевязкой. Его имя, рану, плату. Две медных монеты. Мои первые деньги в собственном доме.

— Ковыль у мельницы, — пробормотала я, делая пометку.

Когда я подняла голову, Северин смотрел на мои руки — на пальцы, держащие перо, на серебряный обручальный знак, который я так и не сняла с шеи, на заштопанный обшлаг рукава, который Мира Ольс починила вчера перед сменной. Его взгляд стал тяжелым, виноватым, голодным. Впервые за год я видела в нем все это разом. И впервые за год мне не стало его жаль. Только собственное запястье ныло от его близости, и я знала: эта связь не разорвется, пока я сама этого не захочу. А я пока не хотела.

Я шагнула к столу, сама взяла у Томаша пергамент. Холодный сургуч обжег пальцы, я почувствовала, как под кожей что-то отозвалось — далекий, тянущий ритм его пульса, который я знала, как собственный. Я перевернула печать вверх текстом, прочла первую строку: «...предлагаем временную опеку над кровью и телом бывшей супруги лорда Северина Морра...» Дальше читать не стала. Сложила пергамент пополам. Потом еще раз пополам. Потом положила его под пресс для записей, на чугунную плиту.

— Завтра в полдень я приду в гильдию, — сказала я Томашу. — С письменным ответом. Сегодня я занята.

Томаш открыл рот и закрыл. Посмотрел на Северина. Северин не ответил ему взглядом — смотрел на мои пальцы, все еще лежащие на пергаменте.

— Она занята, — повторил Северин, и я не поняла, к кому это относится больше — к Томашу или ко мне.

— Положи на стол, — повторил Северин за моей спиной, и я услышала в его голосе не лорда, а человека, которому тоже тошно. — Я подпишу принятие от имени рода. Этого хватит для сургуча.

— Нет, — сказала я. — Не довольно.

Томаш Ревин кивнул — неловко, по-человечески — и вышел. Я заперла за ним засов на два оборота. Когда обернулась, Северин стоял у моего рабочего стола, на том самом месте, где утром будет лежать бинт и серебряная игла для сшивания ран. Он смотрел на меня, и его зрачки были расширены так, что радужка казалась тонкой красной каймой.

— Ты не подписала, — сказал он.

Я подошла к окну и закрыла ставни на нижний засов. Свет из приемной остался внутри, а вместе с ним остался Северин — и его молчание, от которого у меня горели уши. В соседней комнате уже проснулась Мира Ольс, я слышала, как она возится у печки, роняет заслонку и тихо ругает себя шепотом. Пора было открывать смену.

Я вернулась к столу, разложила инструменты — серебряную иглу, нить, чистую марлю, флакон с кровоостанавливающей настойкой из коры и полыни. Настойка была моя, сва-

ренная позавчера, пахла железом и горьким медом. Я капнула каплю на запястье, проверяя крепость, и холод в костях от его близости отступил на полшага — ровно настолько, чтобы я могла думать о деле.

— Мальчишка придет через полчаса, — сказала я вслух, не оборачиваясь. — Подмастерье кузнеца, тринадцать лет, рваная рана на предплечье. Будешь сидеть тихо и не пугать ребенка.

— Тавия.

— Я сказала — тихо.

За стеной скрипнула кровать. Мира вышла в кухню, и через минуту оттуда потянуло запахом подгоревшей каши и топленого молока. Я слышала, как она ставит тарелки на поднос — две, не три. Она еще не знала, что у нас гость, а я не собиралась ей говорить заранее. Пусть увидит сама и решит, стоит ли пугаться.

Стук в дверь — жалобный, осторожный.

— Открыто, — крикнула я.

Мальчишка протиснулся в щель, прижимая к груди перемазанную тряпку. Кровь текла по пальцам, капала на порог, и он смотрел на меня с тем выражением, с каким смотрят на мастера, который может выжечь рану каленым железом, а может просто зашить. Я кивнула ему на табурет у стола, сама натянула чистый фартук.

— Сядь. Руку на стол. Не дергайся.

Я разрежала тряпку ножницами, обнажила рану — длин-

ную, рваную, но не глубокую. Осколок от подковы или кривой крюк. Хорошо. Я промыла край настойкой, мальчишка зашипел сквозь зубы, и в этот момент краем глаза я увидела, что Северин поднялся с лавки.

Он не подошел. Просто выпрямился, как тогда, у двери, когда Томаш принес пергамент. Смотрел на мои руки — на то, как я держу иглу, как ввожу ее в край раны, как вытягиваю нить ровным коротким стежком. На его лице не было боли, но было узнавание, от которого у меня свело пальцы. Он видел эти руки раньше. Другими глазами.

— Зашей, — прошептал мальчишка, бледнея.

— Шью, — ответила я. — Молчи.

Северин сделал шаг к столу. Один. Я подняла голову.

— Сядь, — повторила я. — Я не для тебя зашиваю.

Он сел. Я вернулась к ране. Мальчишка перевел дух, и через минуту его дыхание выровнялось, а я почувствовала, как холод в запястьях снова отступает — он послушался, и от этого послушания мне стало почему-то тяжелее, чем от его приказов.

Когда я наложила последний стежок и замотала марлю, мальчишка полез в карман за медяками. Две монеты, как утром в записи. Он положил их на стол и ушел, прижимая перевязанную руку к груди. Я проводила его до двери и вернулась, чтобы стереть кровь с табурета.

На столе, рядом с моими инструментами, лежал сложенный пополам пергамент с черным вороном. Северин перело-

жил его — я не просила — и положил под пресс, ровно поверх чугунной плиты. Я замерла.

— Зачем, — спросила я.

— Чтобы ты не смотрела на него, пока работаешь, — ответил он тихо. — Ты сбилась на третьем стежке.

Я не стала спорить. Он был прав, и от этого стало только хуже.

— Ешь мед, — сказала я, кивнув на стол. — И уходи до полудня. Завтра я напишу отказ. Сегодня — смена.

Он не двинулся. Только смотрел, как я мою иглу в миске с водой, и в этом взгляде было что-то, чего я не хотела называть.

— Я не подписала, — подтвердила я.

Я положила ладонь на сложенный пергамент, и сургуч под моими пальцами стал теплым, будто в нем шевельнулась чужая воля. Завтра я напишу отказ. Завтра я отнесу его мастеру гильдии. Сегодня у меня смена, три ученицы и мальчишка с перевязкой, которому нужно зашить рану, и я не позволю ни одной печати в этом доме решать, кому здесь быть.

— Чай, — сказала я, не глядя на него. — Остыл. Но есть хлеб и мед. Ешь и уходи к полудню. У меня смена.

Глава 3. Чужие духи

Запах лаванды и железной окалины стоял в приемной так плотно, что я почти перестала его замечать. Почти. Дверь я оставила на вторую щеколду, потому что после истории с чужими духами на моем кружеве боялась уже не козней, а собственной тени. Мира Ольс поставила на стол глиняную миску с холодной кашей и кружку травяного отвара, посмотрела, как я считаю медяки в оловянной шкатулке, и не стала задавать вопрос, на который я бы все равно не ответила.

— Марек Тиш ждет у заднего крыльца, — сказала она тихо. — Принес записи по ночному дежурству.

Я кивнула и подвинула к ней книгу расходов, раскрытую на странице, где строки уходили в красное. За месяц в северном предместье Вельтена моя лечебница съела больше, чем я заработала, и это было нормально. Неправильно было бы, если бы цеховая мастерская целительницы начала приносить золото раньше, чем успела вылечить хотя бы одного ребенка. Я обвела пальцем колонку долга, и Мира вздохнула, словно я озвучила вслух то, о чем она молчала третью неделю.

— Ученицы придут к полудню, — сказала она, не поднимая глаз. — Лира просила передать, что закончила перевязку и хочет говорить с тобой о записи в цеховую книгу.

— Пусть подождет, — ответила я, закрывая шкатулку. — Сначала разберемся с долгом, потом с амбициями.

Мира кивнула, собрала миску и ушла, а я осталась сидеть над страницей, где каждая цифра была чужой подписью, и любая ошибка стоила мне нового унижения. Дверь скрипнула не от ветра. Я подняла голову и увидела Марека Тиша собственной персоной: худой, в заштопанном фартуке, с узлом бинтов через плечо и лицом человека, который три ночи подряд шил чужие раны, не закрывая глаз. Он положил на стол свои записи, и я машинально пересчитала слои перевязок, совпадающие с моими. Совпадали.

— Нора приходила с утра, — сказал он, сев напротив без приглашения. — Спрашивала, откуда у лечебницы на окраине такие дорогие инструменты. Я сказал, что ты работаешь на совесть, а не на слух.

— Спасибо, — ответила я и впервые за утро улыбнулась. — Хотя бы ты.

Нора была из тех соседок, которые продают чужую беду дороже, чем собственную похлебку, и за последние сутки она дважды обошла мою дверь, нюхая воздух, как гончая. Я отложила записи Марека в сторону и раскрыла цеховой реестр, который мне вручили в гильдии три дня назад. Три подмастерья. Чистая репутация. Лицензия мастера. На этой бумаге моя лечебница стояла ровно столько, сколько я успела заработать честными руками, и совет Морров не имел к ней ни юридического, ни магического доступа. Эта мысль грела сильнее, чем я была готова признать.

Марек кашлянул, и я снова подняла голову. Он смотрел

не на меня — на дверь.

— Лорд Морр у крыльца, — сказал он ровно, без интонации. — Один. Стражи не вижу.

Я почувствовала, как пульс в запястьях сбивается, и впервые за месяц не смогла списать это на усталость. Где-то между лопатками прошел холод, знакомый и чужой, как чужое пальто, надетое по ошибке. Я медленно закрыла реестр и положила на него ладонь. На столе рядом лежали записи ночного дежурства, глиняная кружка с остывшим отваром и перо, которым я только что подвела итог долга. Все мое утро лежало на этом столе. И он сейчас стоял за дверью, как год назад стоял в нашей спальне, дожидаясь, пока я подпишу то, что он уже решил.

— Пусть войдет, — сказала я. — И останется у порога, пока я не разрешу сесть.

Марек кивнул, и я услышала, как он встает и идет к двери. Замок щелкнул негромко. Я взяла перо, обмакнула в чернила и аккуратно подвела в реестре последнюю цифру, которую не успела закончить. Когда дверь открылась, я уже смотрела не на дверь, а в книгу. Пусть видит, что у меня есть утро, которое не ждало его двенадцать месяцев.

Шаги в приемной были его, я узнала бы их из тысячи, даже не поднимая глаз. Запах чужого одеколona он сменил на простую шерсть и холод, и от этого почему-то стало обиднее, чем от духов на чужом кружеве.

— Мастер-целитель, — сказал Северин Морр негромко,

и я услышала, как он останавливается там, где я сказала. У порога.

— Лорд Морр, — ответила я, не поднимая головы. — Вы стоите там, где я вам указала. Это хорошо. Присядете, когда я закончу строку.

Я не подняла головы, и перо в моей руке продолжало выводить цифры, словно в приемной не стоял мужчина, из-за которого год назад меня вычеркнули из родовой книги. Строки уходили вправо ровно, без наклона, потому что я давно научилась не давать руке дрожать при свидетелях. На столе рядом с реестром лежали записи ночного дежурства, кружка с остывшим отваром и медная шкатулка, в которой оставалось ровно столько медяков, чтобы оплатить четверть долга за крупу и корпию. Марек Тиш сидел напротив, не поднимая глаз от своих записей, и его молчание было единственным, что держало меня в колее.

— Я закончила, — сказала я наконец и закрыла реестр. Только тогда подняла взгляд.

Северин Морр стоял у порога, как я велела. Без плаща, в темной шерсти, с волосами, стянутыми назад простой лентой, и без кольца дома на пальцах. Это было странно. Год назад он не снимал перстень даже в спальне, а теперь держал руки опущенными, будто прятал то, чего у него больше не было. Запах чужого одеколona сменился холодной шерстью и дымом, и от этого перемены стало обиднее, чем от чужих духов на кружеве. Своего он не оставил даже на ткани.

— Садитесь, лорд Морр, — сказала я ровно и указала пером на табурет у стены, а не на стул для пациентов. — Марек, оставь записи, я посмотрю после. И принеси воды, кружка остыла.

Марек встал, кивнул и вышел, не задав ни одного вопроса, за что я была ему должна отдельной строкой в реестре благодарностей. Мы остались вдвоем. Северин сделал три шага, сел на табурет, и я увидела, как он кладет ладони на колени, чтобы я не заметила дрожи в пальцах. Я заметила.

— Ученицы придут к полудню, — сказала я, чтобы он не решил, будто пауза для него. — У вас, я полагаю, дело, которое не любит свидетелей. Говорите коротко. У меня через час перевязка.

Он не ответил сразу. Смотрел на реестр под моей ладонью, на медную шкатулку, на кружку, и я видела, как он считает то же, что считала я утром. Это бесило. Он не имел права сидеть в моей приемной и видеть мой долг, потому что год назад именно он сделал так, чтобы этот долг появился.

— Я пришел не как лорд Морр, — сказал он наконец, и голос у него был ниже, чем я помнила. Усталый. — Я пришел как человек, которому нужен мастер.

Я положила перо рядом с чернильницей и сложила руки на столе, чтобы он видел спокойные пальцы.

— У мастера есть цена, — ответила я. — У человека, которому нужен мастер, есть деньги и причина. Начните с причины.

В его глазах мелькнуло что-то, что я отказалась читать как жалость. Северин Морр не умел жалеть, он умел покупать, и я ждала, какую монету он положит на стол сейчас. Дверь скрипнула, вошла Лира с узлом свежих бинтов, остановилась на пороге, увидела его и побледнела так, что даже губы стали белыми. Она знала, кто он. Я не стала ее выгонять.

— Лира, поставь бинты на полку и подожди в приемной для учениц, — сказала я спокойно. — Лорд Морр скоро уйдет.

Она кивнула и прошла мимо него, не поднимая глаз, и я отметила, как Северин отвел взгляд, словно боялся напугать ее сильнее. Хорошо. Пусть боится. Северин положил на край стола небольшой сверток из серой ткани, и от него пахло сухой кровью и железом. Я не потянулась к нему сразу.

— Что это, — спросила я.

— Повязка с моей руки, — ответил он. — После прошлой ночи. Мне нужен мастер, который посмотрит шов и скажет правду. Не лорду Морру. Мастеру.

Я молчала, и он впервые за год сказал слово, которое я ждала от него сильнее, чем прощение. Мастер. Не жена, не пара, не лекарство. Я развернула ткань, увидела бинт с ржавым пятном и поняла, что он не врет. Шов на его запястье был грубый, домашний, и кто-то шил его трясущимися руками. Не повар, не стражник. Он сам.

— Марек, — позвала я, не повышая голоса. — Вернись. У нас пациент.

Марек вошел, увидел сверток, посмотрел на меня вопросительно, и я коротко кивнула на операционный стол. Северин не двинулся с места, и я впервые поняла, что он не знает, куда встать. Год назад он входил в любую комнату как хозяин, а сейчас сидел на табурете в чужой приемной и ждал, пока я разрешу ему положить руку на мой стол. Пусть ждет. Я подвинула к себе реестр, открыла чистую страницу и записала пером дату и имя. Пациент. Лорд Морр. Не муж, не бывший. Пациент, который платит за шов и за мое молчание о том, чьи руки его зашивали.

— Покажите запястье, — сказала я, вставая из-за стола. — Только запястье, лорд Морр. Больше мне сегодня не нужно.

Я подвинула к себе жестяной поднос, разложила на нем иглы, пинцет, моток тонкого шелка и чистую корпию. Все по порядку, ничего лишнего, потому что его кровь на моих инструментах - это не подарок, это залог, за который он потом выставит счет. Северин поднялся с табурета, пересек приемную и сел на операционный стол, положив больное запястье на чистую ткань, которую я подсунула ему без слов. Ладонь у него была холодная, и под кожей я увидела, как бьется вена, слишком быстро для человека, который пришел просто за перевязкой.

— Размотайте сами, — сказала я. — Я смотрю, но не трогаю, пока вы не покажете мне шов целиком.

Он стянул бинт зубами одной рукой, и я впервые за год

увидела, как он морщится. Шов шел наискось, криво, нитки затянуты узлами, которые режут кожу. Кто бы это ни шил, делал это в темноте и не своими руками. Я перехватила его запястье, перевернула ладонью вверх и почувствовала, как под моими пальцами что-то сжалось у меня в собственных венах. Голод. Не мой. Его, но я его слышала так ясно, будто он положил руку мне на горло.

— Кровь шла сильно, — сказала я ровно, потому что молчать было опаснее. — Сколько часов вы ходили с этим?

— Семь, — ответил он тихо. — Я ждал утра.

— Чего именно вы ждали, лорд Морр?

— Чтобы вы открыли дверь.

Я не ответила. Взяла иглу, вдела шелк, нагрела кончик над свечой и только после этого посмотрела ему в лицо. В глазах сидело что-то, что я отказывалась называть его именем, потому что, если я назову, он решит, что имеет право. Лира в приемной для учениц встала на цыпочки, заглядывая в щель двери, и я услышала, как у нее дрогнул вдох. Она боялась за меня больше, чем за себя, и это было нечестно по отношению к ней, но я ничего не могла с этим сделать.

— Лира, — сказала я, не оборачиваясь. — Иди в аптеку, проверь, готовы ли склянки для перевязки. Марек, мне нужна вода и чистое полотно, две полосы.

Они ушли оба, и мы остались одни. Я взяла его руку, перевернула швом вверх и начала срезать узлы. Под первым узлом кожа была синяя, под вторым розовая, под третьей по-

шла кровь, и я почувствовала запах железа так близко, что у меня закружилась голова. Это была его кровь. Год назад от нее у меня темнело в глазах, теперь от нее темнело в голове.

— Дышите ровно, — сказала я, и он послушался, что было хуже всего. — Откуда шов, лорд Морр? Стекло, нож, клык?

— Стекло, — ответил он. — Я не помню, чье.

Я промолчала, потому что это было самое страшное, что он мог сказать. Зверь бил его рукой, а он резал себе вену, чтобы не помнить, кого тронул. Я сняла старые нитки, обожгла край раны, ввела иглу. Кожа под ней вздрогнула, и я увидела, как он сжал зубы, но не отвел руки. Уважение к чужой боли я у него не отнимала.

— Четыре шва, — сказала я. — Я зашью ровно, чтобы не тянуло. Заживать будет долго, потому что вы не человек и регенерация у вас другая. Платок для повязки свой или мой?

— Ваш, — сказал он.

Я замерла с иглой в руке. Это слово стоило дороже золота, и он знал, что я знаю. В приемную заглянул Марек, увидел, что я работаю, поставил воду на стол и вышел, не спросив ничего. Я зашила второй стежок, третий, и на четвертом мои пальцы предательски дрогнули. Я не дала руке дрожать при свидетелях, но под его кожей дрожь почувствовалась, и он это понял. Голод в его венах на мгновение отступил, сменившись чем-то, что я тоже отказалась называть. Я затянула узел, обрезала нитку и положила его руку на стол ладонью вниз.

— Не мочите, не напрягайте, повязку менять через день, — сказала я, не глядя на него. — С вас три медных за работу и один за молчание о том, кто шил в первый раз.

— Плата за молчание, — повторил он тихо, и в голосе прорезалась усталая усмешка. — Хорошая цена, мастер.

— Я не мастер для вас, лорд Морр, — ответила я, вытирая пальцы о чистую тряпку. — Я мастер для всех, кто платит. А вы сегодня платите. Завтра посмотрим.

Он слез со стола, и я увидела, как у него подкосились колени, когда он встал на пол. Марек за его спиной сделал шаг, чтобы подхватить, но я качнула головой, и Марек остановился. Северин не имел права падать в моей приемной. Он имел право только доплатить за то, что дверь ему открыли. Я подвинула к нему жестяную коробочку, в которую он молча положил четыре медных монеты, одна лишняя, и я не стала их возвращать. Пусть. Лишняя монета - это его страх, оцененный мной по его же весу. Когда дверь за ним закрылась, я села на его табурет, потому что у меня тоже подкосились колени, и впервые за утро позволила себе не считать. Лишнюю монету я завернула в чистую тряпку и положила в шкапулку, где лежал мой долг. Теперь долг был на одну монету меньше, и это было почти прощение, но не его.

Дверь закрылась, а у меня в ушах еще стоял запах его крови и четыре медных монеты, одна лишняя. Я сидела на его табурете, пока колени не перестали держать, и считала не его, а свои.

Мира Ольс заглянула из коридора с полотенцем на плече.
— Риана, у тебя пол под кровью, — сказала она тихо. —

Я вымою.

— Не сейчас. Сначала книга.

Книга записей лежала на столе, раскрытая на странице, где я год назад писала его имя как мужа. Я перевернула страницу на чистую и вывела пером: «Лорд Морр, шов запястья, четыре стежка, плата внесена». Под датой поставила росчерк без подписи — цеховая запись мастера, не жены. Этого хватит, чтобы гильдия увидела: я работаю, я плачу взносы, мои руки чисты перед уставом.

Мира вернулась с тряпкой и ведром. Она стояла на пороге, не решаясь войти, пока я не кивнула. В чистую воду упала первая капля, и вода стала розовой, почти человеческой.

— Он приходил один, — сказала Мира, не спрашивая, а утверждая. — Без стражи.

— Без, — ответила я. — Поэтому я открыла.

— Соседка Нора уже стоит у забора. Спрашивает, зачем лорд Морр ходит к мастеру Тавии. Я не знаю, что ей сказать.

— Скажи правду: за перевязкой. Пусть подавится своей сенсацией.

Мира кивнула и вышла. Я слышала, как она говорит с Норой за забором — ровно, негромко, без подробностей. Соседка торговала чужими визитами дешевле, чем я зашивала раны, и это меня устраивало: пока Нора считает монеты, она не пишет доносов.

В аптеке пахло сухой полынью и железом от вчерашней настойки. Я достала жестяную коробку, в которой лежали чистые бинты, и сменила бинт в шкафу для припасов. Один — грязный, в бурых пятнах, отнесла в печь и сожгла вместе с корпией. Это была его кровь. Год назад я бы хранила ее как залог, теперь я платила ей за тепло в печи.

Марек заглянул с запиской в руке. Записка была от мастера-приемщика гильдии: «Тавия, пришлите отчет о пациенте лорде Морре и копию записи в книге. Формуляр 3-в.»

— Отвезу завтра, — сказала я. — С подмастерьями.

— Он будет спрашивать про печать опеки, — добавил Марек тише. — Гильдия уже получила от совета Морров запрос: просят «временную опеку над бывшей женой рода через кровь». Мастеру это не нравится. Он хочет, чтобы ты сама пришла и объяснила, на каком основании тебя могут требовать.

— На основании того, что без моей крови их зверь жрет деревни, — ответила я, складывая бинты в стопку. — Только это основание платное, и платят они мне, а не совету.

Марек усмехнулся и ушел. В приемной Лиры уже разложила на столе три маленькие иглы и мотки шелка — готовилась к уроку шитья. Учениц было трое. Лиры и две младшие, дочери кузнеца, которых я записала в подмастерья на прошлой неделе. Пока они числились за мной в цеховой книге, гильдия стояла за меня стеной.

Я подошла к столу, надела фартук и взяла в руки иглу.

— Сегодня, — сказала я трем парам внимательных глаз, — учимся шить так, чтобы пациент не отличил ваш шов от моего. Мне все равно, красиво или нет. Мне важно, чтобы нитка не тянула и узел не резал кожу. Будете учиться на свиной лопатке. Готовы?

Лира кивнула. Младшие переглянулись. Одна из них спросила:

К вечеру ученицы ушли, и в приемной остался только запах воска, свиного жира и мокрых ниток. Я домыла стол, вытерла иглы и пересчитала бинты — четыре мотка чистых, один грязный, сожженный в печи. На каминной полке дрожал медный ключ без бирки, тот самый, от аптечного шкафа. Я сняла его, повертела в пальцах и повесила на гвоздь у двери, где раньше висел ключ от нашей спальни в доме Морр.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Томаш Ревин без плаща, в одной рубашке, с чужой курткой, перекинутой через локоть. Он не вошел — остановился у порога, как тогда, год назад, когда принес новость о новой невесте.

— Риана, — сказал он, и голос у него был чужой, слишком ровный. — Совет прислал письмо. Не пергамент. Письмо. Для тебя, лично.

— Клади на стол, — ответила я, не оборачиваясь. — Уходи через три минуты, иначе Мира вызовет стражу квартала.

Он вошел, положил письмо на край стола, где не было крови, и отступил. Я услышала, как он сглотнул.

— Здесь просьба. Не приказ, — добавил он тише. —

Совет просит, чтобы ты приняла мастера-казначея завтра в гильдии. Публично. Каэл Дорвен хочет говорить о «временной опеке». При свидетелях.

Я подняла голову. Томаш стоял, опустил глаза, и я впервые увидела, как сильно он похудел за этот год. Куртка на локте была не его — мужская, с серебряным кантом, из тех, что шьют для советников. Он нес чужое пальто, чтобы не выдать, от кого идет.

— Ты больше не управляющий дома Морр, — сказала я вслух.

Он вздрогнул, но не поднял глаз.

— Нет, — ответил он. — Каэл Дорвен уволил меня вчера. За то, что я не убедил тебя принять печать.

— Сядь, — сказала я. — Не на табурет Северина. На лавку у стены.

Он сел. Руки у него тряслись. Я налила ему воды из кувшина и поставила чашку на край стола, подальше от письма. Вода в чашке была холодная, со вкусом железа — кувшин стоял у печи и набрал запаха дыма.

— Пей, — сказала я. — Потом расскажешь, что тебе обещали за то, чтобы ты принес это письмо.

Томаш выпил воду одним глотком и поставил чашку. Потом он заговорил — не как управляющий, а как человек, которому нечего терять, кроме места в очереди на подаяние.

— Обещали место клерка в гильдии. Платить тридцать медных в месяц. Этого хватит, чтобы снять угол и не идти

в работный дом. Я не хотел нести это письмо, Риана. Но если не я, прислали бы стражника с печатью, и тогда гильдия обязана была бы открыть дверь.

— Стражника с печатью гильдия не пустит, — ответила я ровно. — У мастера приемщика есть право не впускать родовую стражу без постановления.

— У мастера приемщика, — повторил Томаш, — вчера сожгли склад с лекарствами. Поджог. Гильдия ищет виновных.

В комнате стало тихо. Тихо так, что я услышала, как в печи оседает зола после сожженного бинта. Я посмотрела на письмо. Оно лежало на столе ровно, без печати, без ленты, просто лист дорогой бумаги, сложенный втрое. Я знала эту бумагу — на ней писал только Каэл Дорвен, потому что она была из запасов казначейства дома Морр.

— Ты принес письмо и рассказал мне про поджог, — сказала я. — Зачем?

Томаш впервые поднял глаза. В них было то, что я видела год назад в зеркале у храма, когда настоятель вычеркнул мое имя из родовой книги.

— Потому что без тебя они сожгут и лечебницу, — ответил он. — Совету нужна не опека. Им нужен повод, чтобы гильдия сама от тебя отказалась. Поджог склада — это первый шаг. Второй будет слух, что ты лечишь без лицензии, или что у тебя нет трех учениц, или что ты связана с родом через кровь. Они подожгут, потом обвинят тебя в поджоге,

и тогда мастер-приемщик будет обязан снять защиту.

Я подошла к столу и развернула письмо. Почерк был ровный, без наклона. Каэл Дорвен писал так, как считал — столбиками.

«Мастеру целителю Риане Тавии. Совет дома Морр просит принять мастера-казначея Каэла Дорвена завтра в зале гильдии для публичного разъяснения по вопросу временной опеки. Ваш отказ будет рассматриваться как отказ от цехового покровительства. Копия — в архив гильдии».

Я положила письмо обратно на стол. Томаш смотрел на мои руки, и я видела, что он ждет — то ли крика, то ли слез, то ли того, что я скажу «все кончено». Вместо этого я сняла фартук, повесила его на гвоздь рядом с ключом от аптеки и сказала:

— Ты голоден. В кухне есть хлеб и остатки каши с требухой. Поешь. Потом пойдешь к мастеру-приемщику и расскажешь ему про поджог и про письмо. Слово в слово. Если он спросит, почему ты пришел ко мне, скажешь правду: потому что без моей крови совету некого жечь, кроме своих.

Томаш встал, и я увидела, как у него дрогнули плечи. Он был высоким, сухим, и в этой чужой куртке с серебряным кантом выглядел почти как шут.

— Риана, — сказал он у порога. — Я не принес бы письмо. Они нашли меня.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому ты здесь, а не в канаве.

Он ушел на кухню, а я села за стол и достала чистый лист. Завтра Каэл Дорвен войдет в зал гильдии и потребует, чтобы я приняла опеку. У меня в шкатулке лежали четыре медных монеты, одна лишняя, и письмо, в котором совет просил, угрожая мне же моей свободой. Я обмакнула перо и написала в цеховой книге рядом с утренней записью: «Пациент — лорд Морр, шов, оплата. Свидетели — Марек Тиш, мастер. Плата внесена, лишняя монета сдачи не требовалась». Под датой поставила росчерк мастера. Пусть Каэл Дорвен увидит, что я работаю, что мои руки стоят дороже его бумаги, и что каждый его шаг ко мне — это его шаг к моему столу, за который он будет платить.

— Мастер Тавия, а тот лорд, который приходил... он ведь не вернется?

— Вернется, — ответила я, прокалывая воск щетинкой. — Он болен. У меня работа — лечить больных, а не выбирать, кто из них мне нравится. Остальное — не ваша забота.

Я протянула младшей кусок лопатки и нитку. Игла вошла мягко, шов пошел ровно, и где-то в шкатулке тихо звякнула лишняя монета — не прощение, но первый взнос в долг, который я больше никому не собиралась прощать просто так.

Глава 4. Печать на ладони

Глава началась с мелочи, из-за которой обычно рушатся не дома, а остатки доверия. в коридорах пахло воском, сушеными травами и камнем после грозы. в корзине у окна сохли бинты, пахнувшие лавандой и дымом. Я пришла заставить бывшего объясниться при свидетелях, а на столе уже лежал браслет развода, будто кто-то нарочно оставил мне напоминание: бывшие браки не умирают, если их выгодно воскресить.

Северин Морр стоял у дальнего окна. Раньше он занимал пространство так, будто каждая комната была продолжением его приказа. Теперь он держался на расстоянии. Не из благородства, нет. Он все еще учился понимать, что расстояние тоже может быть выбором женщины, а не паузой перед новым требованием.

— Вы опять решили, кем я буду, до моего прихода? — спросила я.

Он не сразу ответил. Слишком длинная пауза для лорда, который привык рубить фразы, как сургуч.

— Я хотел убрать свидетелей, — сказал он наконец.

— Поздно. Они уже видели достаточно: вашу любовницу, мой позор и этот договор.

У него дернулась скула. Маленькая победа, недостойная взрослого человека. Я все равно взяла ее себе. В этом доме

мне слишком долго оставляли только обязанности; теперь я собирала даже мелкую справедливость, особенно если она пахла ревностью.

Лина появилась без стука, что в этом доме считалось или дерзостью, или отчаянием. В руках у нее была связка бумаг, ключей и чужих страхов. Бумаги пахли архивной пылью. Ключи оставляли на ладони зеленоватые следы. Страхи были обычные: если правда выйдет наружу, кому-то придется признать, что годами было удобнее молчать.

Я разложила все на столе. Сначала договор. Потом письма. Потом список людей, которые видели Северин Морр с соперницей в ночь моего отъезда. Практическая работа всегда спасала меня от истерики. Когда пальцы заняты чернилами, травами или подписями, сердцу труднее делать вид, что оно главное в комнате.

— Здесь не хватает одного имени, — сказала я.

Лина посмотрела на Северин Морр, потом на меня.

— Его запрещено произносить при вас.

— Очень удобно для живых трусов, — сказала я. — Они тоже редко спорят лично.

Дом ответил не сразу. Сначала погасла свеча у двери. Потом в камине вспыхнул зеленый язык огня, тонкий, сердитый, похожий на травинку, которую забыли вырвать между плитами. браслет развода потеплел у меня под пальцами. Не требовательно. Скорее так, как греется ладонь ребенка, который долго держал в себе чужую тайну.

На стене проступили буквы. Не все сразу. Магия клятв всегда была драматична, особенно когда люди пытались выдать трусость за честь.

Дата.

Час.

Место, где я будто бы застала измену.

И еще одно слово, которое никто не произносил при мне вслух: подстроено.

Я почувствовала, как злость становится холодной. Горячая злость толкает на крик. Холодная заставляет считать. Кто стоял у двери. Кто принес письмо. Кто улыбался слишком спокойно, когда я уходила. И почему Северин Морр молчал, если правда была на его стороне.

— Риана Тавия, — сказал Северин Морр.

Я подняла руку.

— Не сейчас.

Он замолчал.

Вот так просто. И от этой простоты почему-то стало больнее, чем от прежних приказов. Если бы он умел молчать тогда, когда я просила, сколько всего не пришлось бы чинить теперь? Сколько слов не стали бы шрамами? Сколько ночей я не провела бы, глядя в потолок чужой лечебницы и убеждая себя, что свобода не обязана быть счастливой с первого дня?

— Я не прошу простить, — произнес он тихо.

— Хорошо.

— Я прошу сказать, что нужно для обряда.

Я посмотрела на него внимательнее. Сердце могло дрогнуть от голоса, памяти и того, как мужчина впервые выглядел не властным, а уставшим, но сейчас мне нужна была не нежность. Мне нужна была работа, которую можно проверить.

— Мне нужны ключи, доступ к архиву, право говорить с детьми без надзора и ваш публичный отказ от прежнего брачного решения.

Он побледнел.

— Публичный?

— Проклятие было публичным, милорд. Почему лекарство должно быть стыдливым?

Поворот случился не громко. Никто не упал на колени, не распахнулись небеса, дракон не проревел над башнями. Просто Северин Морр снял с пальца родовой перстень, положил рядом с браслет развода и сказал при свидетелях:

— Без нее ни один приказ по этому делу не имеет силы.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как внизу кто-то уронил ложку. Очень человеческий звук. Очень нужный. После всех проклятий, печатей и старых смертей именно он напомнил: жизнь состоит не только из больших признаний. В ней еще есть ложки, холодный чай, неоплаченные счета и дети, которые подслушивают у дверей.

Я не улыбнулась. Рано.

Но браслет развода перестал жечь ладонь.

Я не стала ждать утра. Если Северин Морр решил зайти в мой дом как гость, пусть сначала докажет, что он не опасен для тех, кто за стеной.

Я прошла по коридору, миновала дверь в детскую, постучала условным стуком. Лира открыла сразу, как будто стояла за полотном с той стороны. За ней на кровати сидел Арон, мальчик лет семи, с перевязанной ладонью и серьезными глазами, которые в этом доме никогда не обещали простых вопросов.

— Мастер Тавия, — Лира впервые назвала меня по титулу при ребенке, и я поняла: она уже знает, кто стоит в приемной. — Он к нам?

— К нам, — сказала я. — Поэтому я хочу, чтобы ты слышала каждое слово. Если я скажу стоп, уведешь Арона к Инесса Вельт и запрешь дверь на засов.

Лира кивнула. У нее в руках была жестянка с марлей, которую я только утром оставила на крыльце. Откуда она взяла, я спрашивать не стала. В этом доме каждый инструмент имеет привычку оказываться в нужных руках в худший момент.

Я вернулась в приемную. Северин Морр сидел на лавке, как я и просила. Браслет развода лежал на столе между нами, темный металл с гравировкой, которую я отказывалась читать вслух. В лампе копошился огонь, и тени на его лице делали его старше. Не человек, нет. Что-то, что носит лицо человека, пока ему это выгодно.

— Условие первое, — сказала я, не садясь. Стоя я могла уйти в любую секунду. Сидя — нет. — Ключи от дома, от погреба, от казны и от архива. Все копии. Завтра до полудня. На имя мастера гильдии.

Он не двинулся.

— Ключи от казны и архива я отдам, — голос ровный, но ниже, чем обычно. — Ключ от погреба и от дома у Мира Ольс. Ее подпись стоит под распиской.

Я почувствовала, как в запястьях поднимается холод. Не от крови, не от зверя, а от понимания, что он сейчас говорит правду и знает это.

— Значит, условие первое откладывается, — сказала я. — Условие второе. Право доступа к архиву. Под мою печать, в моем присутствии, не дольше двух часов в седмицу. Без права выносить документы.

— А если мне нужна конкретная страница?

— Перепишу. Заверю. Отдам тебе копию, оригинал вернется в архив. Так работает гильдия. Так будешь работать ты.

Он чуть наклонил голову. Не кивок, нет. Что-то вроде признания, что правила, которые я ставлю, не обсуждаются. Это меня напугало больше, чем если бы он торговался.

За стеной скрипнула половица. Арон не спал.

— Условие третье, — сказала я тише. — Право говорить с детьми без надзора. Под мою ответственность. В присутствии Лиры или Инессы, в этой комнате, днем, не дольше получаса. Если я скажу стоп, ты встаешь и уходишь. Если

ребенок скажет стоп, ты встаешь и уходишь.

Я ждала возражения. Ждала торга, вздоха, холодной фразы про то, что он лорд и отец, и ему не нужны условия, чтобы видеть собственного сына.

Он не возразил.

— Условие четвертое, — сказала я. — Публичный отказ от прежнего брачного решения. Письменный, при свидетелях гильдии, заверенный мастером Тишем. Не мне, не в этой комнате. Совету дома Морр, совету гильдии и храму Серого Порога, если угодно. Чтобы каждый, кто через год захочет воскресить наш брак, наткнулся на твою подпись.

Я остановилась. Сердце стучало так громко, что я почти ждала, что он услышит.

Он встал. Медленно, как будто каждое движение давалось ему ценой, которую он не мог назвать. Подошел к столу. Снял родовой перстень, положил рядом с браслетом развода. Металл о металл, тихий звук, почти нежный.

— Без нее ни один приказ по этому делу не имеет силы, — сказал он.

Внизу кто-то уронил ложку. Очень человеческий звук. Очень нужный. После всех проклятий, печатей и старых смертей именно он напомнил: жизнь состоит не только из больших признаний. В ней еще есть ложки, холодный чай, неоплаченные счета и дети, которые подслушивают у дверей.

Я не улыбнулась. Рано.

Но браслет развода перестал жечь ладонь.

Северин Морр надел плащ, не оборачиваясь, прошел к двери. На пороге остановился.

— Мастер Тавия.

— Что.

— Я не прошу простить. Я прошу сказать, что нужно для обряда.

Я смотрела на его спину. На красную полосу от снятого ожерелья. На то, как его плечи держат вес, который я даже представить не могла.

— Мне нужно, чтобы ты ушел, — сказала я. — И чтобы завтра принес ключи, к которым у тебя есть доступ.

Он кивнул. Вышел.

Я заперла дверь на засов. Три раза повернула ключ, хотя знала, что замок простой и любой вампир его вышибет одним ударом. Но звук закрытой двери был важнее, чем сама защита. Он означал, что внутри я решаю, кто войдет.

Я прошла на кухню, поставила чайник. Жестяной, со вмятиной от прошлой зимы. Пока вода грелась, пересчитала кассу. Двенадцать серебряных, три медных. До взноса в гильдию не хватало ровно столько, чтобы я не могла позволить себе ни одного лишнего дня болезни.

Из-за стены Арон спросил Лиру шепотом, но я все равно услышала:

— А птица вернется?

— Это уже другая сказка, — ответила Лира. — Сначала доешь кашу.

Я села за стол, положила перед собой чистый лист. Написала четыре пункта, каждый с новой строки, чтобы между ними оставалось место для следующих.

Проверить северную галерею — там, по словам Теона, советник хранит документы, которые не положены в общий архив.

Поговорить с Теоном — он управляющий, он знает, кто в ночь отъезда стоял у крыльца.

Не верить первому хорошему поступку Северин Морр больше, чем он заслуживает. Последний пункт я подчеркнула дважды.

Четвертый: купить нормальный чай. Если уж спасать проклятый драконий род, то хотя бы не на этой горькой буре.

Чайник зашумел. Я залила травы кипятком, добавила мед, которого у меня теперь было на три дня вместо недели. Отнесла чашку Лире, вторую оставила на столе остывать — на случай, если кто-то из детей проснется.

В спальне я долго лежала, глядя в потолок. Холод в запястьях то уходил, то возвращался, тонкой ниткой, почти неведомой. Я знала, что это значит: он где-то в двух шагах от калитки, его зверь чувствует, что я лежу одна, и не решается подойти ближе.

Пусть не решается. Утром у меня будет четыре пункта в тетради, двенадцать серебряных в кассе и условия, которые он сам принял. Это больше, чем у меня было год назад, когда он вычеркнул мое имя из родовой книги одним движением

пера.

Больше, чем у меня было вчера.

Достаточно, чтобы начать.

Спуск в погреб был короче, чем я помнила. Двенадцать ступеней, известковый запах сырого камня, тонкий звон флаконов на нижней полке. Я считала их с вечера, теперь пересчитывала утром. Двенадцать пустых, один почти полный — мой собственный, для остановки собственной крови, когда прижмет. Стенка погреба ледяная даже через тонкий фартук. Я повесила фонарь на крюк, сняла со стены тетрадь долгов и раскрыла на странице с цифрами.

Каэл Дорвен снова объявил на рынке мой долг. Четыреста двадцать золотых, процент дома Морр, залог на лечебницу и трех учениц. Стоило сесть и подумать, но не получилось: дверь наверху скрипнула, и по лестнице застучали торопливые шаги. Не Северин — тот сейчас на полшага сзади, не доходит до крыльца, — а Мира Ольс с миской топленого масла.

— Не войду, — сказала она с крышки последней ступени.

— Поставлю и уйду.

— Войди, — ответила я. — Мы будем говорить здесь.

Здесь нас не слышно.

Она вошла, поставила миску на каменный выступ у двери и осталась стоять, скрестив руки. Седая прядь выбилась из-под платка, и я впервые заметила, как сильно она похудела за эту неделю. Фартук висел на ней, как на вешалке в чужом шкафу.

— Я знаю про расписку, — сказала я. — Третья подпись в долге — твоя.

Мира не отвела глаз. Раньше она отводила, это было правило дома Морр — не встречаться с хозяйкой взглядом дольше секунды. Сейчас смотрела прямо.

— Я думала, что спасаю тебя. Без моей подписи совет списал бы тебя как мертвую. Ты бы выпала из реестра дома, и ни один цех не принял бы тебя на службу. Я хотела, чтобы тебя оставили в списках, чтобы ты могла вернуться.

— Вы думали, что спасаете дом Морр, — сказала я. — Не меня. Меня вы не спросили.

Она закрыла глаза. Я увидела, как дернулась мышца у рта, и поняла, что сейчас она будет либо плакать, либо говорить правду. Мира Ольс никогда не умела делать оба сразу.

— Я заварила твой долг, — сказала она. — Я. Каэл только сказал, что не успевает. Я поставила подпись в долговой книге, потому что иначе через два дня тебя бы вычеркнули.

— По чьему устному приказу?

Она открыла глаза и посмотрела на меня так, будто я потребовала отрезать ей руку.

— По его. Каэла. Я бы не поставила третью подпись по своей воле.

— И вы это можете подтвердить не мне, а совету гильдии. Сегодня, до полудня.

Мира села на нижнюю ступень, как будто у нее подкосились колени. Миска с маслом стояла рядом, пахла топленным

жиром и подгоревшей кашей. Я подумала: вот цена моей свободы — глиняная миска и чужое признание на листе.

— Под присягой, — повторила я.

— Под присягой, — сказала она. — Но у меня условие. Если я напишу это, ты не выгонишь Лиру.

Я не сразу нашлась. Лира была отдельной строкой, она не входила в расписку и не входила в долг.

— Лира не обсуждается, — сказала я. — Лира — моя ученица. А вы сейчас пишете только про себя.

Мира кивнула. Я вытащила из фартука чистый лист и протянула ей вместе с огрызком карандаша. Она писала медленно, крохотным почерком экономки, привыкшей вписывать расход соли в хозяйскую книгу. Я видела, как дрожит правая рука, и впервые за неделю пожалела, что вообще свела ее сюда.

Готовый лист я прочитала вслух. Формулировка была правильная, юридически крепкая: поручитель поставлен по устному приказу советника без ведома заемщика, воля поручителя была искажена, Каэл Дорвен использовал доверенность для собственной выгоды. Мира расписалась, я забрала лист, положила в нагрудный карман фартука между ключом от погреба и собственной печатью. Бумага лежала как маленький горячий кирпич. Я знала, что эта бумажка стоит мне Арона, если Каэл решит отомстить через ребенка, и стоит мне Северина, если он решит, что я окончательно вычеркнула его семью.

— Идите, — сказала я Мире. — Наверху чай, я за вами.

Она пошла к лестнице, остановилась на третьей ступени и не оборачиваясь сказала:

— Я подам масло. У Лиры губы обветрены, и Арон кашляет вторую ночь.

— Подайте, — ответила я.

Когда шаги стихли, я осталась в погребке одна. Достала из кармана блокнот, записала четыре пункта. Первое: признание Миры в кармане, до полудня подать через Марека Тиша как свидетеля мастера. Второе: Каэл через Нору торгует показаниями Инессы против меня за списание трехсот золотых из шестисот по обряду — рычаг, не отдавать. Третье: Инесса под повязкой, повязка подмокает, чужая записка в жестянке, писали чужим пером Норы, хвостик вниз вместо привычного вверх. Четвертое: не уезжать из дома, ждать здесь, подать встречное через Марека из дома.

Поднялась наверх, на крыльцо. Солнце уже стояло высоко, у забора никого не было. Я положила блокнот в задний карман юбки и пошла к Инессе менять повязку. У занавески пахло лавандой и старой кровью, и я подумала, что сегодня этот запах стоит мне дороже, чем масло Миры.

Инесса проснулась, не открывая глаз. Я размотала бинт, под ним ткань промокла бурым, шов держался крепко. Я промокнула его чистой марлей, и она впервые за два дня посмотрела на меня прямо.

— Каэл через Нору предлагал мне триста золотых, — ска-

зала она. — За показания против тебя. Я отказалась. Я бы не смогла посмотреть на ребенка после такого.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому вы здесь, а не у настоятеля.

Я завязала новый бинт, накрепко, чтобы держал до вечера, и пошла в кухню ставить чайник. В касе было ровно двенадцать серебряных, в блокноте — четыре пункта, в кармане фартука — признание Миры и ключ от погреба. Это было больше, чем у меня было вчера. Этого хватало, чтобы начать.

Ночью я записала три пункта в рабочую тетрадь: проверить северную галерею, поговорить с Теоном, не верить первому хорошему поступку Северин Морр больше, чем он заслуживает.

Последний пункт я подчеркнула дважды.

Потом добавила четвертый: купить нормальный чай. Если уж спасти проклятый драконий род, то хотя бы не на этой горькой бурде.

Глава 5. Печать на ладони

Глава началась с мелочи, из-за которой обычно рушатся не дома, а остатки доверия. мокрый снег висел за окнами, как старая марля. на подносе остывал чай, слишком крепкий и горький. Я пришла не дать бывшему снова сделать ее виноватой, а на столе уже лежал кольцо фиктивного брака, будто кто-то нарочно оставил мне напоминание: бывшие браки не умирают, если их выгодно воскресить.

— Вы опять решили, кем я буду, до моего прихода? — спросила я.

— Я хотел убрать свидетелей, — сказал он наконец.

— Поздно. Они уже видели достаточно: вашу любовницу, мой позор и этот договор.

Магда появился без стука, что в этом доме считалось или дерзостью, или отчаянием. В руках у нее была связка бумаг, ключей и чужих страхов. Бумаги пахли архивной пылью. Ключи оставляли на ладони зеленоватые следы. Страхи были обычные: если правда выйдет наружу, кому-то придется признать, что годами было удобнее молчать.

— Здесь не хватает одного имени, — сказала я.

Магда посмотрела на Северин Морр, потом на меня.

— Его запрещено произносить при вас.

— Очень удобно для живых трусов, — сказала я. — Они тоже редко спорят лично.

Дом ответил не сразу. Сначала погасла свеча у двери. Потом в камине вспыхнул зеленый язык огня, тонкий, сердитый, похожий на травинку, которую забыли вырвать между плитами. кольцо фиктивного брака потеплел у меня под пальцами. Не требовательно. Скорее так, как греется ладонь ребенка, который долго держал в себе чужую тайну.

Дата.

Час.

Место, где я будто бы застала измену.

И еще одно слово, которое никто не произносил при мне вслух: подстроено.

— Риана Тавия, — сказал Северин Морр.

Я подняла руку.

— Не сейчас.

Он замолчал.

— Я не прошу простить, — произнес он тихо.

— Хорошо.

— Я прошу сказать, что нужно для обряда.

Он побледнел.

— Публичный?

— Проклятие было публичным, милорд. Почему лекарство должно быть стыдливым?

Поворот случился не громко. Никто не упал на колени, не распахнулись небеса, дракон не проревел над башнями. Просто Северин Морр снял с пальца родовой перстень, положил рядом с кольцо фиктивного брака и сказал при сви-

детелях:

— Без нее ни один приказ по этому делу не имеет силы.

Я не улыбнулась. Рано.

Но кольцо фиктивного брака перестал жечь ладонь.

Чайник на плите остыл ровно настолько, чтобы его стенка отдавала медью в ладонь. Я перелила остаток в глиняную миску и поставила в сенях, на нижнюю полку, туда, где раньше стояли щетки для обуви. Если кто-то полезет в кухню ночью, он споткнется о миску и поймет, что в доме не спят.

В комнате пахло его шерстяным плащом и лавандой, которой Северин раньше забивал запах крови. Теперь лаванда осталась, а он ушел. Пустой стул у двери держал его отпечаток: я провела пальцем по сиденью и нашла тепло. Не магия, просто человек сидел.

Я подошла к столу. Кольцо фиктивного брака лежало там, где он его оставил, тонкое, с потертой гравировкой внутри. Раньше я бы не взяла его в руки. Теперь взяла и поднесла к свече. Внутри, под слоем грязи, проступала вторая надпись, мелкая, почти детским почерком. Я прищурилась, прочитала: «Северин, не отдавай. Это залог молчания, возврат по крови ребенка». Ни даты, ни подписи. Почерк женский, незнакомый.

Я поняла две вещи сразу. Кольцо сделали для него, а не для меня. И кто-то считал, что молчание покупается чужой кровью, а не словами. Второе слово «возврат» резало глаз. Значит, его уже возвращали.

Я положила кольцо в жестянку из-под марли, туда, где хранила серебряную иглу из первой брачной ночи. Пусть лежит рядом с уликой. Если завтра совет спросит, почему я не отдала его сразу, у меня будет ответ: я ждала, пока кто-нибудь признается, что это вообще.

Внизу хлопнула дверь черного хода. Не парадная, а та, что выходит во двор. Я знала этот стук: Мира Ольс приходила раньше времени, без стука, через кухню. Но сегодня она должна была быть у себя, в комнате над конюшней, и прийти только к утреннему чаю. Значит, это не Мира.

Я задула свечу и вышла в коридор. Лунного света хватало, чтобы разглядеть силуэт у нижней ступеньки. Невысокий, в мужском плаще до пят, капюшон надвинут. Плащ серый, под ним что-то блеснуло, когда незнакомец поднял руку к засову черного хода. Засов у меня был новый, с личиной в форме кошачьей головы. Я поставила его вчера сама, за пять серебряных, потому что старый засов открывался ножом.

— Кто там? — спросила я негромко, с лестницы.

Незнакомец замер. Не обернулся, не ответил. Только сделал шаг назад, к двери, и я услышала, как щелкнул замок его плаща. Уходил. Быстро, но без бега. Человек, который знает, что за ним могут смотреть из окна.

Я досчитала до десяти и спустилась. Засов был цел, я проверила личину пальцем. На пороге черного хода лежала монета. Не золотая, серебряная, с гербом дома Морр. Свежая, будто только из кошелька. Я подняла ее двумя пальцами и

повертела в лунном свете. На обороте, под короной, шла мелкая гравировка. Я поднесла к глазам и разобрала: «С.М. в пользу Р.Т.». Инициалы. Его и мои. И слово «в пользу», как будто я уже согласилась принять.

Это меняло расчет. Если Северин присылает монету через третьи руки, значит, он знает, что в доме меня нет, и хочет, чтобы я нашла монету утром, а не он. Значит, в доме есть третий человек, который носит его серебро. Тот, кто знает про черный ход.

Я положила монету в жестянку поверх кольца, задвинула крышку и заперла на ключ. Ключ повесила на пояс, под фар-тук. Жестянка осталась на столе, среди тетрадей. Если кто-то полезет искать, увидит форму, но не откроет.

Вернулась к лестнице. На третьей ступеньке, где раньше лежала забытая тряпка, теперь сидел кот. Рыжий, тощий, с порванным ухом. Не мой. В нашем дворе котов не водилось с тех пор, как Мира Ольс выгнала последнего за то, что он пил молоко у дверей погреба. Я присела, протянула руку. Кот не убежал, ткнулся в пальцы. На шее у него болталась тесемка, а на тесемке крошечный медальон. Я сняла его, поднесла к окну. Внутри, на клочке бумаги, тот же почерк, что на кольце. Только буквы мельче. «Северин, не отдавай. Это залог молчания, возврат по крови ребенка». То же самое слово в слово.

Получается, кот пришел не из соседнего двора. Его принесли сюда нарочно, чтобы я нашла и медальон, и монету в

одну ночь. Кто-то очень хотел, чтобы я увидела связь между кольцом и котом. Или кто-то очень хотел, чтобы я эту связь увидела, а потом узнала, что никакой связи нет.

Я отпустила кота. Он вышел через черный ход, не оглядываясь. Тесемку я положила рядом с монетой. Теперь у меня в жестянке лежали три предмета с одинаковой гравировкой. Если завтра совет спросит, зачем я не отдала кольцо сразу, я покажу тесемку и монету. Пусть объяснят, почему за одну ночь ко мне в дом принесли три вещи с одинаковой надписью.

На кухне я зажгла вторую свечу, налила себе остатки горького чая и села за стол. Передо мной лежала тетрадь. Я открыла чистую страницу и записала: «Кольцо. Монета. Тесемка. Почерк один. Время одно. Люди разные. Засов цел, личина не тронута. Кто-то имеет ключ от двора. Мира? Томаш Ревин? Или тот, кого я еще не знаю по имени? Проверить, у кого есть ключ от черного хода, кроме меня. Проверить, кто мог принести кота. Проверить, был ли у кота ошейник раньше. Спросить Нору, не продавала ли она рыжего с порванным ухом. Если да - узнать, кому. Если нет - искать, кто в предместье держит рыжих котов».

Написала и подчеркнула два последних пункта. Потом добавила пятый: «Не пить чай из миски в сенях. Если кто-то споткнулся ночью - он мог вылить в нее что угодно». Поставила точку. Подумала и приписала: «Купить нормальный чай. Это уже не шутка». Сложила тетрадь, убрала в ящик,

ключ на пояс.

В комнате стало тихо. Только за стеной у Лиры скрипнула кровать, и я услышала, как девочка встала, подошла к двери и прислушалась. Потом вернулась. Шаги легкие, детские. Я улыбнулась. Впервые за день. Не улыбка радости, а улыбка усталости от собственной осторожности.

Легла, не раздеваясь, прямо в фартуке. Ключ от жестянки на поясе охлаждал бедро. За стеной снова скрипнула кровать у Лиры. Потом у Арона. Потом где-то внизу, в кухне, тихо звякнула миска в сенях. Кто-то поднял ее и унес. Я не пошла проверять. Если Мира - она знает, что я не сплю. Если не Мира - пусть думает, что я сплю.

Тишина в доме стояла такая, что я слышала, как во дворе капает с крыши. Отсчитала до двадцати и встала.

Сначала прошлась по первому этажу с фонарем. Не потому что боялась темноты, а потому что в темноте прячут то, что днем не решаются оставить. Проверила засов на черном ходе. Дерево у петли было сырым, доска чуть сдвинута. Кто-то тянул за ручку, но не до конца. Я примерила доску обратно, нашла карандашом отметину от петли на косяке. Эта отметина стояла с осени, я сама ее ставила, когда меняла петлю. Сейчас она была на полпальца выше. Значит, дверь приподнимали снизу. Ломом или монтировкой. Не ключом.

Записала в рабочей тетради: «Черный ход. Доска сдвинута. Не ключ. Лом. След от подковки на крыльце черного хода - свежий, совпадает со следом в погребке». Подчеркнула

дважды.

В сенях под лавкой нашла мокрый мужской след. Не разутый, в сапоге. Рисунок подошвы грубый, крестьянский, но каблук с подковкой. Такие подковки куют три кузнеца в предместье, у каждого свой почерк. Я знала только одного слесаря, который точил ножи для мясника и подковывал лошадей извозчикам. Его подковка широкая, с двумя шляпками по бокам. Эта была узкая, одна шляпка по центру. Значит, не он. Остались двое. Один из них при деле у дома Морр, второй нанимается у кого угодно.

Я завернула след в чистую тряпицу, положила в жестянку к марле и серебряной игле. Теперь у меня там лежали четыре вещи: марля, игла, мокрый след и поддельная записка. Полный набор улики на одну ночь.

На кухне заглянула в кладовку. Миска из сеней стояла на своем месте, вымытая, вытертая. Значит, Мира все-таки приходила и забрала. Я подняла миску, понюхала. Пахла чабрецом и ржаным хлебом. Никаких посторонних запахов. Хорошо. Если бы в нее что-то подлили, Мира бы ее не мыла, а выбросила или спрятала подальше.

Вернулась в рабочую комнату, зажгла вторую свечу. Свечной огарок на столе был на три пальца короче, чем я его оставила. Кто-то сидел тут и писал. Я покрутила огарок пальцами. Воск мягкий, значит, жгли не больше часа назад. Бумага на столе я не оставляла лишних, кроме тетради и трех записок. Тетрадь лежала на месте, под запиской Миры. Я пере-

брала записки. Записка Норы про серые плащи была на месте. Записка Миры про долг тоже. Копия расписки от Томаша лежала третьей. Я положила их стопкой, когда входила вечером. Сейчас верхней лежала записка Норы, под ней Мира, под ней копия расписки. Я уходила вечером, верхней лежала копия расписки. Значит, кто-то переложил бумаги.

Я села. Вот тебе и ответ на вопрос, откуда у подбросившего записку чужие чернила и чужой хвостик в наклоне. Он сидел за моим столом. Он читал мои записки. Он знал, что я уехала утром, и вернулся днем под видом соседки с маслом. Масло принесла Мира. Значит, Мира его впустила. Или он пришел с Мирой.

Я открыла тетрадь. Мои записи были на месте, но между четвертым и пятым пунктом кто-то вписал одну строчку тонким наклонным почерком, не моим. «Арон кашляет. Узнать у мастера Тиша про анисовую настойку». Я уставилась на строчку. Почерк я не узнавала. Не Нора - у нее хвостик вверх, я уже отмечала. Не Мира - у Миры круглые буквы, как у пожилой женщины, которая писала в приходской школе. Не Томаш - его почерк я видела на копии родовой книги, он ровный, без наклона. Этот почерк был наклонный, тонкий, с длинной петлей у буквы «д».

Я перечитала строчку трижды. Кто-то знал, что Арон кашляет. Кто-то думал, что заботится. Кто-то сидел за моим столом и притворялся, что помогает. Я взяла перо, перечеркнула строчку жирной чертой, написала сверху: «Кто вписал -

тот знает про кашель. Запомнить почерк. Длинная петля у «д». Наклон вправо».

Сердце стучало в висках. Я заставила себя встать, пройтись по комнате, сосчитать окна. Три окна, все на задвижках. Дверь одна, заперта. Я подошла к двери, прислушалась. За дверью было тихо. Не так тихо, как в пустом доме, а так, как бывает, когда кто-то стоит и не дышит.

Я отступила от двери, вернулась к столу. Взяла жестянку с марлей, вытряхнула все на стол. Серебряная игла, мокрый след в тряпице, поддельная записка. Разложила по порядку: слева игла, посередине след, справа записка. Получилась улика на трех ногах. Чтобы она перестала стоять, достаточно одну ногу убрать. Я убрала записку в карман, след завернула обратно в тряпицу и положила в жестянку, иглу оставила на столе. Если кто-то придет за уликой ночью, он увидит на столе только иглу и пустую жестянку. След он не найдет, он у меня в кармане. Записку он тоже не найдет. Значит, чтобы уничтожить след, ему придется вернуться и искать тряпицу. А я буду знать, что он вернулся.

Это был мой дом. Я не имела права оставлять его чужому человеку на ночь.

Я спустилась в кухню, поставила чайник. Не из миски в сенях - нормальный, из жестяного чайника, который стоял на полке. Положила две щепотки сушеной мяты, чтобы перебить запах чабреца. Чайник засвистел. Я сняла его, налила себе в чашку. Чай был горячий, мятный, с легкой горчинкой

от жести. Я выпила две чашки подряд. Живот согрелся, в голове прояснело. Голова у меня была одна, и тратить ее на страх я не собиралась.

Вернулась в рабочую комнату с чашкой в руке. На пороге остановилась. На стуле у стены, где я оставила свернутый коврик для Лиры, лежал мужской плащ. Серый, дорожный, с чужой пылью на плечах. Я его раньше не видела. Значит, его положили, пока я была на кухне. Я подошла, не касаясь, посмотрела на бирку. На бирке от руки было написано «К.».

К. Каэл. Или кто-то еще на «К». В доме Морр на «К» был только советник-казначей.

Я не стала трогать плащ. Подошла к столу, открыла тетрадь, дописала: «Серый плащ на стуле. Бирка «К.». Каэл. Или подставка под Каэла. Не трогать. Утром показать Мареку Тишу как свидетелю. Если это подставка - тот, кто подставил, придет за плащом и попадетсЯ». Подчеркнула дважды.

За стеной у Лиры снова скрипнула кровать. Я подошла к двери, приоткрыла. Лира сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на меня.

- Мастер Тавия, - сказала она тихо, - у нас в сенях опять ходили.

- Я знаю, - ответила я. - Ложись.

- А Арон?

- Арон спит. Я проверяла. У него ровный пульс.

Она помолчала, потом спросила:

- А вы?

- А я посижу. Мне надо посидеть.

Она кивнула и легла. Я прикрыла дверь, но не до конца, оставила щель на палец. Если девочка проснется ночью, пусть видит свет из-под двери.

Вернулась к столу. Поставила чашку, подвинула свечу ближе. Чтобы плащ было видно в углу. Чтобы входящий в комнату сразу натыкался взглядом на чужую вещь. Я знала, что он придет. Воры возвращаются за уликой, потому что без нее их работа сделана наполовину. Он придет за плащом, за следом, за запиской. А я буду сидеть за своим столом и ждать.

Холод в запястьях усилился. Не сильно, на полградуса, но я почувствовала. Где-то у забора стоял Северин, не у крыльца, не у двери, а именно у забора, как тогда, когда я стукнула в стекло. Он не уходил. Его зверь не давал ему уйти. Но и войти он не мог - дверь была заперта, калитка на засове, и у него не было ни одного моего ключа.

Я посмотрела на плащ в углу. Серый, чужой, с пылью. И подумала: вот она, цена этой ночи. Не золото, не бумаги, не печати. Цена - сидеть за своим столом с чужой уликой в кармане и ждать, кто войдет первым. Я или тот, кто оставил плащ.

Свеча оплыла на палец. Я подрезала фитиль ножом, пламя выпрямилось. Чай в чашке остыл. Я выпила и его.

Последний пункт в тетради я дописала крупно: «Не спать до четырех. Если войдут - кричать Лире: «Запри дверь из-

нутри». Если войдут тихо - бить серебряной иглой в шею, игла стерильная, это не убийство, это оборона». И подчеркнула трижды.

Утром надо встать в шесть, обойти двор, проверить, не оставил ли кот следов. И посчитать, сколько ключей от черного хода я раздала за этот год. Кажется, четыре. Северину. Мире. Томашу Ревину. И себе. Больше никому. Но вчера застав открыли снаружи, без ключа. Либо у меня в кармане чужой ключ, либо тот, кто вошел, мастер по замкам. Мастеров по замкам в предместье двое. Одного из них я знаю по имени, второго - нет.

Холод в запястьях к ночи усилился. Где-то в двух шагах, за стеной или за забором, стоял тот, чей зверь чует меня через камень и медь. Я не стала искать окно. Лежала и слушала, как он дышит. Рвано, с присвистом. Как человек, который держится, чтобы не упасть.

Последний пункт я подчеркнула дважды.

Глава 6. Долг в книге

Глава началась с мелочи, из-за которой обычно рушатся не дома, а остатки доверия. дождь царапал стекла тонкими ногтями. у двери стояло ведро с чистой водой, которую никто не решался внести. Я пришла понять, кто пустил слух об измене, а на столе уже лежал договор с бывшим, будто кто-то нарочно оставил мне напоминание: бывшие браки не умирают, если их выгодно воскресить.

— Вы опять решили, кем я буду, до моего прихода? — спросила я.

— Я хотел убрать свидетелей, — сказал он наконец.

— Поздно. Они уже видели достаточно: вашу любовницу, мой позор и этот договор.

Теон появился без стука, что в этом доме считалось или дерзостью, или отчаянием. В руках у него была связка бумаг, ключей и чужих страхов. Бумаги пахли архивной пылью. Ключи оставляли на ладони зеленоватые следы. Страхи были обычные: если правда выйдет наружу, кому-то придется признать, что годами было удобнее молчать.

— Здесь не хватает одного имени, — сказала я.

Теон посмотрел на Северин Морр, потом на меня.

— Его запрещено произносить при вас.

— Очень удобно для живых трусов, — сказала я. — Они тоже редко спорят лично.

Дом ответил не сразу. Сначала погасла свеча у двери. Потом в камине вспыхнул зеленый язык огня, тонкий, сердитый, похожий на травинку, которую забыли вырвать между плитами. договор с бывшим потеплел у меня под пальцами. Не требовательно. Скорее так, как греется ладонь ребенка, который долго держал в себе чужую тайну.

Дата.

Час.

Место, где я будто бы застала измену.

И еще одно слово, которое никто не произносил при мне вслух: подстроено.

— Риана Тавия, — сказал Северин Морр.

Я подняла руку.

— Не сейчас.

Он замолчал.

— Я не прошу простить, — произнес он тихо.

— Хорошо.

— Я прошу сказать, что нужно для обряда.

Он побледнел.

— Публичный?

— Проклятие было публичным, милорд. Почему лекарство должно быть стыдливым?

Поворот случился не громко. Никто не упал на колени, не распахнулись небеса, дракон не проревел над башнями. Просто Северин Морр снял с пальца родовой перстень, положил рядом с договором с бывшим и сказал при свидетелях:

— Без нее ни один приказ по этому делу не имеет силы.
Я не улыбнулась. Рано.

Но договор с бывшим перестал жечь ладонь.

Ложку я нашла сама. Белая, оловянная, с щербиной на чашечке, валялась под столом у дальней стены, где обычно сидела Магда. Тихо подняла, протерла краем фартука и убрала на полку. Маленькое действие, за которым можно спрятать лицо.

Северин Морр остался у окна. Он не повернулся, но его плечо под серым сукном опустилось на пол пальца. Вампирская мелочь, которую я не должна была замечать. Заметила.

— Томаш, — сказала я управляющему, который так и стоял у двери с папкой. — Копия договора о приданом у вас с собой?

Он не вздрогнул. Хорошая выучка.

— У меня, мастер Тавия. Но совет дома не давал мне полномочий ее вскрывать.

— Совет дома не давал вам полномочий и снимать копию страниц родовой книги на рассвете, пока советник спал, — ответила я. — И тем не менее копия у вас в папке, а на вашей скуле свежий синяк от дверного косяка. Несите обе бумаги сюда.

Он посмотрел на Северина. Тот не кивнул, не качнул головой, только чуть опустил подбородок. Жест настолько привычный для дома, что Томаш выполнил его раньше, чем понял, что отдает чужой приказ чужому человеку в чужом до-

ме. Хороший знак. Дом слушается, кто стоит спокойно.

Я взяла у него обе бумаги, разложила на столе рядом с договором и распиской. Свеча справа, ведро с водой у левого локтя, чтобы не загорелась юбка. Между документами легла моя рабочая тетрадь, раскрытая на чистой странице. Я начала записывать.

— Год венчания, четырнадцатое число месяца трав, — диктовала я вслух, чтобы оба слышали каждое слово. — Проба крови невесты взята в присутствии лекаря дома и советника. Подпись лекаря со шрамом через брову. Подпись советника. Подпись жениха. Подпись невесты. Свидетель со стороны невесты — прочерк. Приписка на полях, почерк тот же, что и в основной записи: «Не явилась. Причина не указана».

Свеча коптила. Я переставила ее подальше от края.

— Мастер Тавия, — подал голос Северин. — Я готов дать показания против советника.

— Я знаю, — ответила я, не поднимая головы. — Вы дадите их завтра в совете гильдии, в присутствии мастера Тиша и лекаря со шрамом. Не мне.

— Здесь, — сказал он тихо. — Сейчас. Пока вы не вышли из этой комнаты.

Я впервые за вечер посмотрела на него прямо. У вампиров есть одна подлость: в момент сильной жажды их радужка светлеет по краю, как тающий снег на камне. Сейчас по его глазам шел этот тонкий серый ободок. Две ночи без крови

истинной пары. Он держался из последних сил, но не на одних только упрямстве, как привыкли думать в доме Морр, а на чем-то более страшном — на желании, чтобы я увидела, что он держится.

— Нет, — сказала я. — Здесь и сейчас вы не свидетель. Здесь и сейчас вы гость в моем доме, который пришел без приглашения, без охраны, с фальшивой копией и просьбой о мире. Показания вы дадите там, где им поверят. А миру я поверю, когда увижу его на бумаге с печатью гильдии, а не на ваших глазах.

Он не возразил. Серебряный ободок дрогнул и отступил на пол шага. Может быть, потому что я была права. Может быть, потому что я назвала свой дом своим.

Я записала в тетрадь последний пункт: «Мир — через совет, а не через постель». Подчеркнула дважды. Зачеркнула. Подчеркнула снова. Не поможет, но мне нужно было, чтобы строчка стояла ровно.

Внизу хлопнула дверь кухни, и до меня долетел запах ромашки с медом. Арон кашлял уже третью ночь, и я варила ему настой по рецепту, который старая Мира Ольс записала в мою тетрадь еще в первый год замужества, когда я думала, что буду лечить его детей, а не своих. Лира несла миску вверх по лестнице, я слышала ее шаг. Подросток-подмастерье, тринадцать лет от роду, сирота из клана, которая ломала фразу на середине, когда стыдно. Северин услышал шаги тоже. Его голова чуть повернулась к двери, и я впервые

за долгое время увидела на его лице не лорда и не зверя, а мужчину, которому только что сказали, что его сын болен, а он не имеет права подняться наверх.

— Марек Тиш придет в девять, — сказала я Томашу, закрывая тетрадь. — С ним придет лекарь со шрамом через брову. Вы оба будете в зале совета. Мастер Тиш спросит, чья подпись стоит под припиской. Вы ответите. Без украшений.

— Да, мастер, — ответил Томаш.

Я отпустила его кивком. Он вышел, прикрыв дверь обеими руками, чтобы не скрипнула. Хороший управляющий. Плохой друг. Впрочем, друзья Северина Морр долго не живут, это я знала по себе.

В комнате остались мы двое и договор, который перестал жечь ладонь. На столе между нами лежали расписка с третьей подписью Миры, копия родовой книги с пустой строкой свидетеля невесты и мой блокнот, в котором только что появился новый пункт, зачеркнутый и подчеркнутый дважды. Я залила свечу воском, чтобы не капала на документы, и накрыла расписку чистым листом.

— Вы ужинали? — спросила я, не поднимая глаз.

— Нет, — ответил он.

— Лира поставит вам тарелку в сенях, — сказала я. — Есть будете там. В дом не войдете.

— Хорошо.

Я не ожидала, что он скажет «хорошо». Я ожидала торга, просьбы, напоминания про браслет первой брачной ночи,

который хранится у меня как вещдок. Но он сказал «хорошо» и остался стоять у окна, глядя во двор, где Лира в сером платье несла миску с настоем для Арона. Его плечо под серым сукном снова опустилось на пол пальца, и я отвернулась, чтобы не видеть.

Потом я поднялась, обошла стол, подошла к двери в сени, открыла ее. На крюке у косяка висел чистый льняной фартук, мой, рабочий, с пятном масла на подоле. Я сняла его, надела ему на руку через голову, как подают плащ незнакомцу.

— Ткань забираете с собой, — сказала я. — Фартук — гильдейский, с печатью мастера. Не вернете — вычту из вашего долга.

Он не улыбнулся. Но его пальцы, когда они взялись за тесемки фартука, впервые за этот вечер не дрожали. Может быть, просто от холода в сенях. Может быть, нет.

— Мастер Тавия, — сказал он от двери.

— Что?

— Масло для каши я принесу завтра.

Я не ответила. Дверь закрылась, и его шаги прошуршали по половицам сеней, потом стихли во дворе. Лира на лестнице остановилась, прислушалась, потом пошла дальше. У нее на запястье белела повязка от моих рук, и она несла миску ромашки с медом, от которой пахло летом и домом.

Я вернулась к столу, села, открыла блокнот на новой странице и записала:

«Северин. Фартук. Возврат по долгу. Не по жалости. Ли-

ра — слышала. Арон — кашель. Томаш — синяк. Завтра — девять. Гильдия. Лекарь со шрамом. Совет. Порядок: я первая, Каэл второй, Северин третий. Масло не брать».

Последний пункт я подчеркнула дважды, зачеркнула и написала снова, мельче, на полях: «Масло — можно. Если принесет сам. Не через слуг».

Мира пришла с подносом через десять минут после того, как за Северином закрылась дверь черного хода. Без стука, с ключом, который у нее остался от кухни, хотя я забрала его вчера. Значит, был второй ключ. Я молча взяла поднос и молча отдала ключ обратно. Мира положила его на край стола, не спрятала в карман, и ушла, не дойдя до порога двух шагов. Я заперла дверь на оба засова и повесила цепочку.

Поднос был не чай, а миска гречневой каши без масла, ломоть хлеба, кружок лимона и маленькая записка без подписи: «Он не ел со вчерашнего утра. Зверь просит через два дня. Не через четыре. Просит раньше». Я развернула записку, понюхала бумагу. Тонкий запах лаванды и чужих духов, привычный для дома Морр. Не Мира писала. Кто-то из их людей. Я положила записку в жестянку с марлей, рядом с поддельным письмом Норы, сверху придавила серебряной иглой.

Голод ударил Северина раньше срока. Либо у него действительно осталось мало крови истинной пары в венах, либо Каэл больше не подкармливал его подделкой. Я села за стол, пересчитала флаконы в уме. Четырнадцать штук в по-

гребне, осталось столько, что едва хватит на одно усмирение. Этого мало. Этого слишком мало, чтобы держать совет, пока зверь не вышел наружу. Мне нужно было или договориться с Мареком Тишем о чистой сдаче через его руки, или торговаться с самим Северином за право забрать его кровь у Марека и продать гильдии.

Я встала, прошла через двор к черному ходу, постучала в стекло три раза. Никого. Северин ушел через двор сразу после моего отказа, чтобы Нора его не продала. Значит, он где-то в двух шагах, у забора, и слышит стук в собственное стекло. Я подождала. За забором послышался короткий выдох, потом шаги по мокрой земле, и тишина. Он ждал. Я подняла записку Миры к стеклу, подержала три секунды, перевернула чистой стороной и убрала. Если он вампир, он прочтет наизусть. Если нет, я ничего не сказала.

Вернулась в приемную. Лира читала Арону сказку про волка, отдавшего хозяйке хвост. Я села за стол, открыла блокнот, записала две строки: «Зверь просит раньше. Два дня, не четыре. Северин не ел со вчера. Каша без масла для него — миска, ломоть хлеба, кружок лимона. Не подпись». Подчеркнула «не подпись», потому что слишком хорошо его знала. Он попросит подпись, потом поцелуй, потом кровь из руки, потом полный ритуал. Через каждую из этих ступеней он будет сокращать себе шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.